

**Государственный мемориальный историко-литературный музей-
заповедник Ф.И. Тютчева «Овстуг»**

Научно-практическая конференция

**Осмысление наследия
Ф.И. Тютчева в XXI веке**

Избранные материалы

с. Овстуг

18 сентября 2024 г.

Чернова Любовь Михайловна,
заведующая Информационно-издательским отделом, ФГБУК
«Государственный историко-художественный и литературный музей-
заповедник «Абрамцево», аспирант ОЧУ ВО «Православный Свято-
Тихоновский Гуманитарный Университет».

Общественно-политические идеалы Ф.И. Тютчева в сравнении с идеями европейских консерваторов.

Наследие Ф.И. Тютчева – его письма, стихотворения, мысли – сохранившееся на бумаге и в воспоминаниях современников, настолько велико, содержательно и актуально во все времена, что на протяжении почти двух веков его обсуждение занимает публицистов, историков, филологов, философов, политиков и любителей литературы.

При жизни Ф.И. Тютчева воспринимали, в первую очередь, как общественного деятеля и политического мыслителя. Но в дальнейшем появился романтический образ поэта «не от мира сего»: «низенький, худенький старичок, но весь закутанный в теплый плед – таким предстает он перед нами на маленькой фотографической карточке, таким – «не замечая и удивляя прохожих» – бродил он по улицам Петербурга, а вернувшись домой, небрежно ронял встретившей его жене или дочери: «j'ai fait quelques rimes» [6, с. 12]. К.В. Пигарев еще в 1935 году писал: «реалистический портрет Тютчева должен быть предпочтен романтическому» [6, с. 12]. Не оспаривая величину литературного гения поэта, важно отметить, что главным интересом его жизни было вовсе не написание стихов. Как он сам отмечал в письме жене: «Положительно, Москва – архитектурный город, где все – писатели и читатели – в высшей степени серьезно смотрят на самих себя <...> Но я не в состоянии был бы существовать в этой среде, столь высоко мнящей о себе и столь глухой ко всем отголоскам извне. Например, я вовсе не уверен, что такое ребячество, как вчерашнее заседание не перевесит – и даже сильно – в глазах московской публики интереса к грозным событиям,

назревающим на Западе» [7, с. 156]. В обширном эпистолярном наследии Ф.И. Тютчева вопросы творчества и литературы занимают небольшое место. Зато международные события, общественная жизнь, политическое развитие Запада и России нашли в его письмах яркое, остроумное и многомерное отражение. Разумеется, видение Ф.И. Тютчевым современных ему событий проходит через призму его геополитических взглядов. Необходимо отметить, что, несмотря на их оригинальность и самобытность, они несут в себе черты многих современных ему политико-философских концепций, поэтому важно выделить их характерные особенности.

Ф.И. Тютчев – мыслитель консервативного направления. Залогом успешного развития России он видит сохранение самодержавия и духовных традиций. Резкое отторжение у него вызывают нигилизм и революция: «Запад исчезает, всё рушится, всё гибнет в этом общем воспламенении. Европа Карла Великого и Европа трактатов 1815 г., Римское папство и все западные королевства, католицизм и протестантизм, вера уже давно утраченная и разум, доведенный до бессмыслия, порядок отныне немислимый, свобода отныне невозможная, и над всеми этими развалинами, ею же созданными, цивилизация, убивающая себя собственными руками...» [10, с.435].

Революция мыслится здесь как абсолютная катастрофа, крах всего миропорядка и европейской цивилизации. Но возникает она не на пустом месте – к ней приводит сама логика развития европейской цивилизации. Исторический процесс у Ф.И. Тютчева неразрывно связан с Православием. Будущее имеет только та страна, которая выполняет свое предназначение по воле Божией. «По Ф.И. Тютчеву, прогрессирующее отпадение Запада от Христа, начиная с раскола Вселенской церкви в XI веке, лежит в основе российско-европейских противоречий. Его схема такого отпадения: папство (через притязания на светскую власть) спровоцировало Реформацию, которая с водой выплеснула и «ребенка» – само христианское учение; от протестантизма лежал прямой путь к Революции (Просвещение, материализм,

социализм и т.д.). В Революции, которая, когда «берется созидать, всякий раз неизбежно впадает в утопию», он видел новый культ, целое новое революционное вероисповедание» [9, с. 103].

Безусловно важно для Ф.И. Тютчева сохранение и развитие национального своеобразия России во всех сферах государственной жизни, соблюдение собственных интересов во внешнеполитической деятельности: «Основное и самое трудное для нас – обрести веру в самих себя; осмелиться признать перед самими собой огромное значение наших судеб и целиком воспринять его» [11, с. 102]. Исторический путь России, по мнению поэта, не должен быть связан с Востоком или Западом – это путь собственного внутреннего развития как уникальной цивилизации с присущими ей традиционными духовными ценностями в рамках самодержавного, православного государства.

Россия для Тютчева не просто страна, но особая самобытная цивилизация. Главный смысл политической деятельности России должен заключаться в реализации национальных интересов, а национальный интерес, в первую, очередь, состоит в «обеспечении духовного, нравственного суверенитета нации, внешних и внутренних условий для полнокровного развития и защиты присущих именно своему народу мироощущения и этики гражданских, политических и экономических отношений» [4, с. 138].

Таким образом, национальный консерватизм Ф.И. Тютчева – последовательная система взглядов, охватывающая культурный, духовный и геополитический аспекты государственной жизни России.

Система мировоззрения Ф.И. Тютчева прошла долгий путь формирования и развития. На него, как и на других представителей российской интеллигенции оказывали влияние европейские философские и политические доктрины. Несомненно, поэт многому научился на Западе. Он прожил в Европе почти 20 лет. Общался с талантливыми европейскими мыслителями. Генрих Гейне «называл молодого русского дипломата своим

лучшим и истинным другом, отдавал должное его остроумию» [19, с. 176]. Ректор Мюнхенского университета Фридрих Вильгельм Тирш в беседе с Петром Васильевичем Киреевским, слушателем его лекций в университете, так отзывался о Тютчеве: «Это светлая голова, очень образованный человек и дипломат» [2, с. 90]. Известный философ профессор Шеллинг говорил о нем: «Это превосходнейший человек, очень образованный человек, с которым всегда охотно беседуешь» [2, с. 76]. Ф.И. Тютчев был знаком со многими политиками и высокопоставленными придворными того времени, был завсегдатаем многих европейских салонов, его публицистические произведения были понятны европейскому обществу и даже оказывали на него влияние. К 1850 году насчитывалось более 50 статей на европейских языках с комментариями и откликами на публикации Ф.И. Тютчева [3, 231].

Среди европейских политических учений Ф.И. Тютчеву ближе всего консерватизм.

Представитель консервативной Партии порядка А. де Токвиль, когда писал в книге «Демократия в Америке» о ведущей роли России и Америки на мировой политической арене, приближается к мыслям Ф.И. Тютчева о судьбах России: «...все остальные народы, кажется, уже понемногу достигли очерченных им природой пределов и должны лишь их сохранять; эти же (Россия и Америка) находятся в постоянном росте: все другие остановились и продвигаются вперед тысячными усилиями; и только эти двигаются легким и быстрым шагом по пути успеха, границу которого еще невозможно обозначить. <...> Их отправная точка и пути различны; тем не менее каждый из них, по-видимому, призван таинственным замыслом Провидения взять в свои руки судьбы половины мира» [23, с. 430–431]. Для сравнения, Ф.И. Тютчев писал: «...Теперь мы положительно стоим перед лицом того европейского кризиса, – задетые уже не тенью его, а дыханием, – того кризиса, предчувствие коего тяготело над миром, подобно кошмару, в течение двух поколений <...> Что до нас, до России, то невозможно, мне думается, не признать в том, что совершается, путей провидения, покровительствующих

ей. Западная Европа, как сила совокупная, окончательно сокрушена, и отныне наше будущее широко раскрыто перед нами...» [12].

Правда, Токвиль и Тютчев расходятся в понимании замысла Провидения и места в нем революционной демократии. Ф.И. Тютчев выступал против «самовластия человеческого я», а для французского историка – это «борьба против самого Господа, и народам не остается ничего другого, кроме как приспособляться к тому общественному устройству, которое навязывается им Провидением» [23, с. 432].

Великое будущее России предсказывал и родоначальник традиционализма, философ Л. Г. Бональд.

Но ближе всего Ф.И. Тютчеву консерватизм в изложении главы французских легитимистов графа Ж. де Местра. Еще И. С. Гагарин обратил внимание, что Федор Иванович играл в петербургских салонах «роль какого-то православного Жозефа де Местра» [1]. А К.В. Пигарев называл тютчевские взгляды «системой де Местра наизнанку» [5, с. 127].

Но прямых упоминаний и цитат французского консерватора у Ф.И. Тютчева нет. Хотя, конечно, поэт интересовался его произведениями и вдохновлялся идеями.

Тютчев общался со многими знакомыми де Местра. Например, с графом П.Б. Козловским, который служил в дипломатическом ведомстве России при сардинском дворе короля Виктора-Эммануила I. В это же время де Местр исполнял должность сардинского посланника при русском дворе. Личное их знакомство состоялось весной 1812 года в Петербурге. Известна и переписка между дипломатами, причем не только деловая, но и личная [20, с.354]. К сожалению, от переписки Ф.И. Тютчева и графа П.Б. Козловского сохранилось немного, но из этих писем следует, что поэт считал Козловского своим «духовным наставником» [13]. Однако, что подразумевается под этими словами, можно только догадываться.

Ф.И. Тютчев был знаком и с младшим братом Жозефа де Местра Ксавье, женатым на С.И. Загряжской и живущим в Петербурге [14].

Тютчеву было свойственно не пользоваться прямыми цитатами, а творчески перерабатывать идеи европейских мыслителей. Особенно много общего с произведениями де Местра – в трактате Ф.И. Тютчева «Россия и Запад» [15]

Де Местр видит основные духовные проблемы Запада в протестантизме как нигилистическом бунте индивидуального разума: «Протестантизм – великий враг Европы, которого надлежит задушить всеми возможными, кроме преступных, средствами. Это – гибельная язва, беспрерывно разъедающая все верховные власти, дитя гордыни, отец анархии, универсальный растлитель» [22, с. 219]. Ф.И. Тютчев же считает, что католицизм порождает реформацию, поэтому не имеет смысла их разделять, – сама западная цивилизация порождает «современную мысль после ее разрыва с церковью» [15, с. 23]. Таким образом, оба мыслителя сходятся на том, что проблемы Запада – в отпадении от церкви и Бога.

Тютчев сближается с Ж. де Местром и в характеристике «ненависти к авторитету» как существенного признака «современной мысли». Хотя в подмене де Местром авторитета «Верховного Владыки всяческих» как источника власти авторитетом папы он видел одну из главных причин искажения христианского отношения к государственному началу.

Между тем, Ф.И. Тютчев отмечал «ложные взгляды западной науки на Восточную Империю» [15, с. 36]. Судя по контексту трактата и по тому, что он был ответом на записку Кюстина, речь идет как раз о положении де Местра, что «вся современная цивилизация вышла из Рима» [8, с. 597], а Россия оказалась оторванной от нее из-за «схизмы X века» [8, с. 597], а потому неспособной к подлинному культурно-историческому развитию. Разумеется, с этим мнением Тютчев был не согласен.

В стихотворениях Ф.И. Тютчева также есть реминисценции из произведений Ж. де Местра. Например, в «Male Agia» строки:

«Люблю сей Божий гнев!

Люблю сие незримо

Во всем разлитое, таинственное зло» [16] близки по смыслу к отрывку из книги де Местра «Санкт-петербургские вечера»: «...мы испорчены новой философией, которая сказала нам, что все к лучшему, между тем как все осквернено и гораздо вернее было бы сказать, что все к худшему <дословно: что все есть зло>, поскольку ничто не находится на своем месте» [21, 115-116].

К стихотворению «На новый 1855 год» поэт сделал приписку в альбоме Г.П. Данилевского: «Вы спрашиваете, милый поэт мой, нет ли у меня мысли о наступающем годе?.. У меня собственно – никакой. Но вот вам мысль – чужая. Чья же именно?.. Это довольно трудно объяснить, да и не нужно» [17]. Точной отсылки к де Местру поэт не дает. Но в первой и седьмой беседах из «Санкт-петербургских вечеров» – похожие образы воина и палача: «мозг и сердце палача устроены не так, как у прочих смертных; в нем есть нечто особенное, чуждое нашей природе ... он живет среди нас по особому велению Творца» [21, с. 29]... «Секира правосудия, у которой нет ножен, поскольку она всегда должна грозить или карать» [21, с. 31].

По мысли де Местра, руками палача и воина Провидение осуществляет свое «временное правление» [21, с. 31]. Очевидно, что именно эта концепция нашла отражение в стихотворении «На Новый 1855 год». Кроме образов воина и палача («сражений меч кровавый», «секира палача»), и мотив «Божьих кар», и восприятие войны как своеобразного искупления целого народа, дающего ему право на дальнейшее возрождение (новый год несет «не одни войны тревоги», он «не просто» воитель, хотя и принес с собой мечи).

В письме де Местра графу д'Аваре, поверенному будущему королю Франции Людовику XVIII, есть близкие Тютчеву мысли о революции, свободе воли и роли личности в истории: «Великая революция разразилась по воле Провидения; необходимо, чтобы она завершилась. Тем не менее я не фаталист, Боже меня сохрани. Человек должен действовать, как будто способен на все, и смиряться, как будто ни на что не способен. Вот в чем состоит, как мне кажется, фатализм мудрости. Если человек упадет в реку, он

непрерывно должен плыть, ибо если он не будет плыть, он непрерывно утонет; но из этого не следует, что он приплывет туда, куда хочет, поскольку у потока свои права. Мы все погружены в поток, а во время революции он мчит свои воды еще быстрее. Будем же плыть, господин граф, и, если нам хватит сил (в чем я вовсе не уверен), мы приплывем к неведомым берегам» [20, 110-111]¹. Эти мысли отразились в произведении «Смотри, как на речном просторе...», где образ тела, увлекаемого потоком, так же используется в контексте решения вопроса о свободе воли:

«Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
За льдиной льдина вслед плывет.
На солнце ль радужно блистая,
Иль ночью в поздней темноте,
Но все, неизбежимо тая,
Они плывут к одной мете.
Все вместе – малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все – безразличны, как стихия, –
Сольются с бездной роковой!..
О, нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое Я,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?» [18]

Таким образом, Ф.И. Тютчев, как мыслитель, полностью владеет всеми достижениями новейшей европейской философии и обществознания. Наиболее близким ему направлением оказывается консерватизм. При этом он не принимает ни одну концепцию безусловно, не становится адептом ни одного учения, чем нередко грешили русские ученые и общественные

¹ Maistre J. de. Lettres et opuscules inédites T.I.P., 1854. P. 110-111.

деятели. Он творчески, и очень основательно перерабатывает все европейские политические теории, поглощенный единственной, постоянно занимающей его мыслью: о дальнейшей судьбе России, о ее будущем месте в мире.

Источники и литература.

1. Гагарин И.С. письмо к А.Н. Бахметьевой. РГАЛИ. Ф.1049. Оп. 1. Ед. хр. 5
2. Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. Кн. 1: 1803-1844. М.; 1999.
3. Лэйн Р. Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати конца 1840-х начала 1850-х годов. // Ф.И. Тютчев. Лит. наследство. Т.97. Кн.1. М., 1988.
4. Мошелков Е.Н. Тютчев Федор Иванович // Политическая мысль в России: Словарь персоналий (XI в.-1917 г.). М., 2000.
5. Пигарев К.В. Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962.
6. Пигарёв К.В. Ф.И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России// Литературное наследство №19-21 от 1935 г. Авторский оттиск.
7. Старина и новизна. Сборник. Кн. 21. Петроград, 1916.
8. Степанов М. Жозеф де Местр в России. // Литературное наследство. 1937. Т. 29-30.
9. Тарасов Б.Н. Ф.И. Тютчев и П.Я. Чаадаев. (Жизненные параллели и идейные споры друзей-«противников». // Тютчев сегодня. Материалы IV Тютчевских чтений. М., 1995.
10. Тютчев Ф.И. Россия и Германия. Письмо доктору Густаву Кольбу, редактору «Всеобщей газеты». Lettre à Monsieur le Dr. Gustave Kolb, rédacteur de la Gazette Universelle. Munich, 1844. // Русский архив, 1873. №10.
11. Тютчев. Ф.И. Записка. Автограф неизвестен. Первая публикация — Новое литературное обозрение. 1992. № 1.

12. Тютчев Ф.И. Письмо А.Ф. Аксаковой, 31 июля/12 августа 1870 г., РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 190–191 об.
13. Тютчев Ф.И. письмо к П.Б. Козловскому от 16/28 декабря 1824 года // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. I. М., 1988.
14. Тютчев Ф.И. письмо к супруге Эрн. Ф. Тютчевой от 28 августа 1851 года. // РГБ. Ф. 308. К.1. Ед. хр. 19. Л. 36-40 об.
15. Тютчев Ф.И. Россия и Запад. // Тютчев Ф.И. Россия и Запад: Книга пророчеств. Москва, 1999.
16. Тютчев Ф.И. Автограф стихотворения «Male Aria». РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 6 и 3 об.
17. Тютчев Ф.И. Автограф стихотворения «На Новый 1855 год». РНБ, альбом Г.П. Данилевского. Л. 21.
18. Тютчев Ф.И. Автограф стихотворения «Смотри, как на речном просторе...». РГАЛИ. Ф. 505 Оп. 1 Ед. хр. 24 Л. 4
19. Экштут С.А. Тютчев. Тайный советник и камергер. М., 2011.
20. Maistre J. de. Lettres et opuscules inédites T.I.P., 1854.
21. Maistre J. de. Œuvres, 1838, t. I-II.
22. Maistre J. de. Ecrits sur la Révolution. P., 1989. P. 219
23. Tocqueville A. de. Oeuvres complètes. P., 1951.

List of sources and literature.

1. Gagarin I.S. letter to A.N. Bakhmetyeva. RGALI. F.1049. Op. 1. Ed. hr. 5
2. Chronicle of the life and work of F. I. Tyutchev. Book 1: 1803-1844. М.; 1999.
3. Lane R. Tyutchev's journalism in the assessment of the Western European press of the late 1840s and early 1850s. // F.I. Tyutchev. Lit. inheritance. Vol. 97. Book 1. М., 1988.
4. Moshelkov E.N. Tyutchev Fedor Ivanovich // Political thought in Russia: Dictionary of Personalities (XI century-1917). М., 2000.

5. Pigarev K.V. Tyutchev's life and work. M., 1962.
6. Pigarev K.V. F.I. Tyutchev and the problems of Tsarist Russia's foreign policy// Literary legacy No. 19-21 from 1935. The author's impression.
7. Antiquity and novelty. Collection. Book 21. Petrograd, 1916.
8. Stepanov M. Joseph de Maistre in Russia. // Literary heritage. 1937. vol. 29-30.
9. Tarasov B.N. F.I. Tyutchev and P.Ya. Chaadaev. (Life parallels and ideological disputes of friends-"opponents". // Tyutchev today. Materials of the IV Tyutchev readings. M., 1995.
10. Tyutchev F.I. Russia and Germany. A letter to Dr. Gustav Kolb, editor of the Universal Gazette. Lettre à Monsieur le Dr. Gustave Kolb, rédacteur de la Gazette Universelle. Munich, 1844. // Russian Archive, 1873. No.10.
11. Tyutchev. F.I. Note. The autograph is unknown. The first publication is a New Literary Review. 1992. № 1.
12. Tyutchev F.I. Letter of A.F. Aksakova, July 31/ August 12, 1870, RGALI. F. 10. Op. 2. Ed. hr. 37. L. 190-191 vol.
13. Tyutchev F.I. letter to P.B. Kozlovsky dated December 16/28, 1824 // Literary heritage. Vol. 97. Fyodor Ivanovich Tyutchev. Book I. M., 1988.
14. Tyutchev F.I. letter to his wife Ern. F. Tyutchev dated August 28, 1851. // RGB. F. 308. K.1. Ed. chr. 19. 1. 36-40 vol.
15. Tyutchev F.I. Russia and the West. // Tyutchev F.I. Russia and the West: The Book of Prophecies. Moscow, 1999.
16. Tyutchev F.I. Autograph of the poem "Male Aria". RGALI. F. 505. Op. 1. Ed. hr. 13. 1. 6 and 3 vols.
17. Tyutchev F.I. Autograph of the poem "For the New Year 1855". RNB, album by G.P. Danilevsky. L. 21.
18. Tyutchev F.I. Autograph of the poem "Look at how on the river expanse ...". RGALI. F. 505 Op. 1 Ed. hr. 24 L. 4
19. Ekstut S.A. Tyutchev. Privy Councillor and Chamberlain. M., 2011.
20. Maistre J. de. Lettres et opuscules inédites T.I.P., 1854.

21. Maistre J. de. Œuvres, 1838, t. I-II.

22. Maistre J. de. Ecrits sur la Révolution. P., 1989. P. 219

23. Tocqueville A. de. Oeuvres complètes. P., 1951.

Жукова Любовь Евгеньевна,

к.э.н., аспирант АНО ВО «Русская христианская гуманитарная академия им.

Ф.М. Достоевского».

О телеологическом аргументе в защиту бытия Бога в творчестве

Ф. И. Тютчева.

Творчество Федора Ивановича Тютчева принято относить к течению русского романтизма, причем его философскому направлению. Феномен романтизма, как широкого понятия, так и романтизма русского, представляет собой явление многогранное и определяемое с большим трудом. Романтизм удивительным образом включил в себя и призыв к исследованию внутреннего мира человека, и смелое стремление к нарушению принятых в обществе норм, и мотивы модернизма, и возврат к средневековому христианству. Мы же обратимся к последнему указанному нами аспекту романтизма, рассмотрев творчество поэта на предмет наличия в нем одного из аргументов в защиту бытия Бога.

Поиск и обоснование рациональных аргументов в защиту бытия Бога получили наибольшее развитие именно среди средневековых мыслителей, для взглядов которых был характерен теоцентризм. Среди таких аргументов выделяется телеологический аргумент, или аргумент от разумного замысла. Его авторство часто связывают с именем средневекового философа и богослова Фомы Аквинского, который сформулировал свои знаменитые «Пять путей» или пять доказательств бытия Бога.

Согласно Аквинату, аргумент от разумного замысла исходит «из управления вещами универсума» и иллюстрируется примерами природных тел, лишенных познавательной способности, но при этом действующих «ради цели». Такие природные тела могут действовать рационально только в том случае, если они направляются «кем-то познающим и мыслящим», как «стрела направляется в цель лучником». «И таковое мы называем Богом» , -

утверждает философ, указывая на мыслящее существо, направляющее все вещи к своей цели.

Аргумент от разумного замысла восходит к идеям мыслителей времен Платона. Вклад в его развитие вносили Ориген, Афанасий Великий, Августин Блаженный, Иоанн Дамаскин. Он сохранил актуальность и после научной революции XVII в., когда механистическая картина мира нуждалась в определении источника и конечных причин всего сущего.

Во второй половине XIX в. телеологический аргумент теряет популярность благодаря работам Ч. Дарвина. Видимые признаки божественного замысла в природе объяснялись действием естественного механизма. Возврат к аргументу произошел во второй половине XX в., после открытий в сфере космологии.

Сила телеологического аргумента в защиту бытия Бога возрастает, если учитывать красоту вселенной. Человек обнаруживает красоту вселенной в растениях, реках, горах, телах животных и людей, а также в многочисленных галактиках. Известный философ Ричард Суинберн утверждает, что если Бог создал вселенную, то Он создал бы только прекрасную вселенную. А если бы вселенная возникла без участия Бога, то нет оснований предполагать, что она была бы прекрасна. При допущении объективности красоты и существовании критериев оценки красоты, которым посвящены отдельные работы, аргумент «от красоты вселенной» можно считать самостоятельным телеологическим аргументом в пользу бытия Бога. Мыслитель и богослов Грудем Уэйн убежден, что «красота снежинки, величественная сила грома, искусство пчелы, вкус прохладной воды – все это и тысячи других аспектов творения не могли бы возникнуть без всемогущего и мудрейшего Творца».

Аргумент «от красоты» несет в себе стихотворение, созданное Тютчевым в 1836 г., «Над виноградными холмами»:

Над виноградными холмами

Плывут золотые облака.

Внизу зелеными волнами

Шумит померкшая река.
Взор постепенно из долины,
Подъемлясь, всходит к высотам
И видит на краю вершины
Круглообразный светлый храм.
Там, в горнем неземном жилище,
Где смертной жизни места нет,
И легче и пустынно-чище
Струя воздушная течет...

Тютчев приводит отражающие красоту окружающего мира описания «златых облаков», плывущих над зелеными волнами, реки, долины, которые радуют глаз. Поэт поддается порыву поднять глаза еще выше, на «горнее неземное жилище». Круглообразный светлый храм, который он видит, по замыслу поэта находится даже выше облаков. Восхищение творением Бога звучит у Тютчева не прямолинейно. Однако указание на «легкость и пустынную чистоту» воздушной струи, исчезновение всех звуков, праздничность настроения при созерцании небесной обители говорит о трепетно-восторженном отношении поэта к тому месту, где расположен явный источник земных красот.

Присутствие храмов и куполов отмечается Тютчевым во многих пейзажах, что позволяет поэту наделить эти пейзажи новым, духовным измерением. Храмы, олицетворяющие для поэта православие, служат своеобразным мостиком между небом и землей. На православном Востоке храмы зачастую строились как жертва за совершенные грехи. Аргумент «от красоты» высказывается Федором Ивановичем не явно. Но, интуитивно поднимая взор на небеса, Тютчев признает, что если мир столь прекрасен, то он создан Богом.

Тщательность проработки телеологического аргумента может характеризовать предлагаемое современными религиозными философами различие упорядоченности вселенной на пространственную и

темпоральную . Пространственная упорядоченность проявляется, например, в расстановке книг по алфавиту в книжных шкафах. В отношении же вселенной она может подразумевать сложное устройство тел живых существ. Темпоральный порядок характеризует согласованность поведения объектов, к примеру, движение партнеров во время танца. В природе она проявляется в виде действующих в ней законов.

Пространственный порядок во вселенной демонстрируется Тютчевым в одном из самых известных его стихотворений:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик -
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Напомним, что стихотворение впервые было напечатано в 1836 г. в Пушкинском «Современнике», и в нем цензурой были исключены две строфы, между которыми осталась следующая строфа:

Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклеил?
Иль зреет плод в родимом чреве
Игрою внешних, чуждых сил?..

Исследователи считают, что в исключенных строфах содержались идеи, идущие вразрез с точкой зрения ортодоксальной религии. По мнению Д. Д. Благого, произведение было направлено, во-первых, против «теологических, традиционно-церковных представлений», которые полагают законы природы подчиненными божественной воле. Во-вторых, оно содержало укор сторонникам «вульгарных механистических представлений о природе как о голом механизме, бездушной машине» . Если к выступлениям Тютчева во второй адрес у цензуры претензий не было, то критику поэтом теологических идей она пропустить не могла.

В указанном фрагменте Тютчев отрицает действие внешних сил в процессе созревания плода, а также работу садовника по созданию дерева с

гармонично расположенными на нем листьями и цветами. Однако поэт не отрицает природной гармонии, упорядоченного расположения всех элементов на прекрасном дереве. Он также указывает на темпоральный порядок мира, проявляющийся в созревании плодов. Тютчев признает упорядоченность природного мира, но считает, что Творец, отвечающий за этот порядок, управляет своим творением не извне. Творцом, по мнению молодого Тютчева, является сама природа, а не христианский Бог.

Чтобы лучше понять позицию Тютчева в данном вопросе, приведем один известный, сформулированный в 1940-е годы британским философом Джоном Уиздомом мысленный эксперимент под созвучным тютчевским строкам названием «Притча о невидимом садовнике»: Два человека пришли в заброшенный сад и увидели посреди дикорастущих растений прекрасную поляну с удивительно хорошо выращенными цветами. Один (верующий) говорит: «Приходил садовник и заботился об этих растениях». Второй (скептик) не согласился. Они разбили палатку неподалеку и стали ждать. Садовника не было. Верующий предположил, что это невидимый садовник, и они стали ждать его с собаками. Но собаки не учуяли никого. Верующий сказал, что садовник и невидимый, и без запаха, и бесшумный. Скептик возразил: чем же тогда этот садовник отличается от несуществующего?

Суть притчи в том, что и теист, и атеист используют разные объяснения, но теист корректирует каждый раз свои утверждения при попытке их фальсификации. В данном примере Тютчев находится на позиции теиста. Но если теист из притчи говорит о внешнем садовнике-личности, используя самое простое объяснение явления, то Тютчев подразумевает внутреннего природного, безличного «садовника». Высшее начало, по мнению Тютчева, пронизывает собою вселенную, и так же, как личный Бог христианства, требует аргументов в защиту своего бытия.

Указания на темпоральный порядок во вселенной встречаются в стихотворениях Тютчева чаще, чем на порядок пространственный. Поэт неоднократно использует уже упомянутый нами образ древесного листа,

который особенно выразительно говорит о неизменности законов природы в раннем стихотворении 1830 г. «Листья»:

Мы ж, легкое племя,
Цветем и блестим
И краткое время
На сучьях гостим.
Все красное лето
Мы были в красе,
Играли с лучами,
Купались в росе!..

Зная о неизбежности своей смены на ветвях дерева, листья обращаются к ветрам:

О буйные ветры,
Скорее, скорей!
Скорей нас сорвите
С докучных ветвей!

Одним из главных свидетельств вселенского порядка для Тютчева выступает поведение звезд на небе. В их движении по небосклону поэт видит темпоральный порядок, интуитивно угадывая в нем действие разумного Творца. Так, в известнейшем стихотворении 1829 г. «Silentium!» движение человеческих чувств и мечтаний поэт сравнивает с размеренным и степенным движением небесных светил:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои -
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи,-
Любуйся ими - и молчи.

Этот фрагмент демонстрирует признание поэтом идеи человека как микрокосма, в пределах которого действуют те же темпоральные законы, что и в макрокосме.

Идея природного порядка звучит в позднем стихотворении Тютчева, датированном 1865 г.:

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.
Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе,-
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.

Фёдор Иванович утверждает и гармонию, и певучесть, и стройность природных явлений, но уже отрицает единство с нею человеческой личности. Человек, по его мнению, не имеет никакого отношения к гармонии в природе:

«И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море», – вопрошает поэт.

Говоря об отношении Тютчева к природе, исследователи выделяют в творчестве поэта два периода. В первом периоде, условно датированном 20-30-ми гг. Тютчев разделяет пантеистическое мировоззрение и наделяет природу душой. Именно о поэзии этого периода говорит Андрей Белый в своем исследовании зрительного восприятия природы у трех поэтов: Пушкина, Тютчева и Боратынского. «Целостно овладение природой у Пушкина, а у Тютчева целостно растворение», - замечает русский символист.

Во втором периоде, приходящемся на 50-70-е гг., в его лирике явно проступают христианские мотивы, а природа утрачивает статус одушевленной сущности. Трансформация мировоззрения Тютчева может быть связана со сменой им идейно-культурной обстановки. Первый период творчества Федор Иванович проводит в Европе, в должности дипломата, а во

втором периоде он подвержен влиянию Российского столичного общества. Примечательно свидетельство князя Ивана Сергеевича Гагарина, с которым Тютчев тесно дружил в 1833-1835 гг. «Под германским влиянием я стал привыкать к идее о безличном Боге, что значило попросту исповедовать безбожие», - пишет князь . Такое же действие производило, по его словам, и чтение газеты «Globe», которой увлекался и Тютчев. «В религиозном отношении он вовсе не был христианином» , - утверждал Гагарин о Тютчеве.

В публицистических статьях 50-х гг. Тютчев выступает ревнителем православия, а его стихотворения российского периода уже пронизаны религиозными мотивами.

Стоит обратить внимание на отношение Федора Ивановича к публикациям Дарвина, которые значительно ослабили телеологический аргумент во второй половине XIX в. Мы помним, что в 1858 г. Тютчев был назначен председателем комитета иностранной цензуры. Исследователи отмечают тот факт, что в период его руководства комитетом количество запрещенных изданий значительно сократилось. В первом же отчете о деятельности комитета поэт сообщает, что «старался дать больший простор» иностранной литературе, учитывая и задачу развития литературы русской. В этот же период решался вопрос о публикации и переводе на русский язык книги Ч. Дарвина «Происхождение человека» («The Descent of Man», 1871).

Комитет, под руководством Тютчева, не считал возможным запрещать публикацию труда в подлиннике или перевод его на русский язык. Отчет о книге от 27 января 1871 г. гласил, что Дарвин, хотя и доказывает происхождение человека отлично от книг Ветхого Завета, но не касается Священного писания и не опровергает его . Комитет вполне справедливо посчитал, что ставить преграды для знакомства с трудом всемирно известного автора нецелесообразно.

Мнение самого Тютчева о работе Дарвина нам неизвестно, однако поэт видел жизнеспособность православного государства в чистоте и высоте его религиозно-этических принципов, которые не приемлют «механические

запреты». В одном из писем он говорит: «Всякое вмешательство Власти в дело мысли не разрешает, а затягивает узел, что будто бы пораженное ею ложное учение — тотчас же, под ее ударами, изменяет, т<ак> с<казать>, свою сущность и вместо своего специфического содержания приобретает вес, силу и достоинство угнетенной мысли» .

Следует предположить, что во втором периоде своего творчества Тютчев вовсе не освободился от «разъедающего скепсиса» . На православной родине в нем с новой силой заговорили религиозные традиции и стремление к глубокой вере. Фрагменты телеологического аргумента в защиту бытия Бога встречаются в произведениях обоих периодов. Но в раннем периоде Тютчев говорит о разумности всепронизывающего божества.

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей нарушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них!
В этом стихотворении 1829 г. Божий лик выступает космической душой вселенной, растворенной в ее водах.

В позднем же периоде все так же упорядоченная природа полагается поэтом сотворенной трансцендентным Творцом.

В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,
Словно зеркало стальное...
Час от часу жар сильнее,
Тень ушла к немым дубровам,
И с белеющих полей
Веет запахом медовым.
Чудный день! Пройдут века —
Так же будут, в вечном строе,
Течь и искриться река

И поля дышать на зное.

В этом стихотворении 1868 г. природа уже отдалена от человека. Однако, как творение Бога, она вечна, как вечна и сообщенная ей Богом красота.

Несмотря на смену пантеистических взглядов на христианские, телеологический аргумент в творчестве поэта свидетельствует о признании автором идеи разумного Божественного Управителя, который по-разному понимается Тютчевым в течение жизни.

Существует мнение, что человек воспринимает умопостижимость мира как свидетельство разумности его Творца. Ученые считают, что аргументы «от разумного замысла» являются стремлением философов «кодифицировать» реакцию на окружающий мир, которая глубоко запечатлена в человеческом сознании. У поэтов эта реакция на окружающий мир находит неизбежное отражение в их творчестве.

Фрагменты аргумента от разумного замысла чаще всего появляются в стихотворениях Тютчева вне явной связи с религиозными мотивами. Однако поэт не только констатирует удивительную красоту и упорядоченность мира. Анализ его произведений говорит о том, что Тютчев чувствует потребность задавать дальнейшие вопросы об устройстве вселенной. Он осознает, что человеческий разум, вне зависимости от того, дан ли он индивиду Богом или природой, не может остановиться перед самыми волнующими вопросами, даже если ответы на эти вопросы лежат за рамками познавательных способностей человека.

Многократное упоминание аргумента «от разумного замысла» в стихотворениях Тютчева свидетельствует о христианских корнях русской романтической поэзии. Несмотря на обращения поэта к образам античности, особенно в его раннем творчестве, ему более близка христианская картина мира. Тютчев укрепляется в трансцендентном образе Бога, постигаемого только умозрительно. Исходным же пунктом на пути к богопознанию для поэта выступает телеологический аргумент.

Литература

1. Аквинской Фома. Сумма теологии. Вопросы 1–64 / Пер. с лат. А. В. Апполонова. – М. Издатель Савин С.А., 2006. – 817 с.
2. Андрей Белый. Поэзия слова. – Петербург: Эпоха, 1922. – 141 с.
3. Благой Д. Д. Гениальный русский лирик (Ф. И. Тютчев) // Литература и действительность: Вопросы теории и истории литературы. – М.: Гослитиздат, 1959. С. 423-456.
4. Грудем Уэйн. Систематическое богословие. Введение в библейское учение / Пер. с англ. – СПб.: Мирт, 2004. - 1453 с.
5. Кедрова М. О. Естественная теология ХХI в.: проект Ричарда Суинберна // Вопросы философии. 2016. №2. С. 77-84.
6. Осанкина В. А. О христианских корнях в эстетике русского романтизма // Вестник Челябинского государственного университета. 1999. Т. 2. № 2. С. 129-137.
7. Пигарев К. В. Ф. И. Тютчев и его время. – М.: Современник, 1978. – 333 с.
8. Розадеева М. Евхаристическое богословие Ф. И, Тютчева // Тютчев и православие. Сборник статей о творчестве Ф. И. Тютчева. – М.: Издательский дом «К единству!» МОФЕПН, 2017. – С.124-133.
9. Суинберн Р. Существование Бога / Пер. с англ. М. О. Кедровой. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 464 с.
10. Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма в 6 томах / Сост. Б. Н. Тарасов. – М.: Классика, 2003. Т.3. – 546 с.
11. Шакирова Л. Г. Тютчев и Шеллинг // Мир науки, культуры, образования. № 4 (71). 2018. С. 433-439.

Ткач Виктория Юрьевна,
заведующий Домом-музеем В.В. Вересаева,
филиалом Государственного учреждения культуры Тульской области
«Тульское музейное объединение».

Савищева Софья Сергеевна,
методист Дома-музея В.В. Вересаева,
филиала Государственного учреждения культуры Тульской области
«Тульское музейное объединение».

Философское познание природы в творчестве

Ф. Тютчева и В. Вересаева как основа мировоззрения.

Во все времена природа восхищала и вдохновляла людей творческих. Для людей, связанных с творчеством литературным, природа зачастую является одним из главных стилистических средств, с помощью которого писатель реализует развитие сюжетных коллизий или передает изменение внутреннего состояния главного героя. Природный фон отражает фон эмоциональный. Описания пейзажа контрастируют или дополняют душевные состояния лирического героя, смену его эмоционально-психологических состояний. Иногда именно в аллегорической форме природных образов автор воплощает основную мысль литературного произведения. Природные образы и символы настолько многозначны, что при анализе творчества писателя, можно смело утверждать – они успешно передают мировосприятие автора, его философские взгляды, жизненную позицию, систему мировоззрений, поиски ответов на важные жизненные вопросы. В моем докладе я проанализирую философские параллели в восприятии природы у Ф.И. Тютчева и В.В. Вересаева, а также использование природных аллюзий в качестве стилистических приемов. Несмотря на то, что мы будем говорить о поэзии Тютчева и о прозе Вересаева, тем не менее, можно наблюдать сходные философские взгляды писателей, заключенные в восприятии окружающей природы.

Природа – основная тема творчества Ф.И. Тютчева. Поэт рассматривает её как некий одушевлённый организм, наполненный таинством, волшебством, таинственной жизнью. В лирике Тютчева «поэтизация» природы доведена до наивысшей точки своего выражения. Пейзажи Тютчева наделены живой душой, малейшие движения которой чутко улавливает и передаёт поэт. Именно тема природы в лирике Тютчева считается одной из самых известных, прославившей как «певца природы». Природа в его поэзии изображена в сочных красках, емко наполнена избытком звуков и запахов. Зачастую поэт очеловечивает ее, наделяя эмоциями и чувствами.

Такие глубокие по своей натуре описания природы можно заметить в большинстве произведений автора («Люблю грозу в начале мая», «Осенний вечер» и др.).

Схожее отношение к природе было и у В.В. Вересаева. В.В. Вересаев любил природу, восхищался ею. Для писателя природа – величественная и всепоглощающая сила, перед которой бессилён человек, его надежды и амбиции. Природа всегда была для него мощным источником вдохновения. Лирично-музыкальный рассказ «Загадка», основанный на переплетении внутреннего мира героя, окружающего его пространства и творчества, цикл крестьянских рассказов, флористические аллегории которых являются выражением затронутых автором идей, насыщенные пейзажи «Воспоминаний» и схематичные пейзажные зарисовки романа «В тупике» – все это свидетельствует о том, что В.В. Вересаев является умным и наблюдательным художником, способным не только воспринимать, но и использовать природу в качестве одного из художественных приемов в своих произведениях.

Рожденный в городской усадьбе с большим садом, В.В. Вересаев в детские годы учился видеть красоту окружающего мира, прелесть и очарование Тульской природы. Не случайно В.В. Вересаев впоследствии напишет: «До 17 лет непрерывно, а потом много лет летом я жил в Туле и

Тульской губернии и, конечно, насквозь пропитался именно тульской природой...» Природа и осознание ее вошло в детский мир Викентия Смидовича достаточно рано. Родительский дом, окруженный большим садом – один из самых ярких образов, наполненных в детском сознании Викентия Смидовича красками и звуками окружающего мира. Познание маленьким Викентием окружающего мира описывается В.В. Вересаевым подробно, с детальным перечислением растений. Так, одно из детских вкусовых воспоминаний связано с красными ягодами сочной вишни, которые «сами просились в рот». Первая влюбленность у десятилетнего мальчика осталась в памяти «ковром спелой земляники с мелкими желтеющими листьями и крупными ягодами», «сияньем полного месяца над темными липами». Будучи подростком, В.В. Вересаев сравнивает любовь с «тонким ароматом ландыша, вдыхаемого из улыбки, из мерцанья глаз, из пониженного голоса. Описывая впоследствии влюбленность в три девичьи образа, писатель также прибегает к природным метафорам: «Любовь была чистая и целомудренная, с нежным, застенчивым запахом, какой утром бывает от луговых цветов в тихой лощинке, обросшей вокруг орешником. Эти три девушки были для меня светлыми, бесплотными образами редкой красоты, которыми можно было только любоваться.» В.В. Вересаев и любитесь ими, как любитесь цветами, щедро употребляя для их описания цветочные аллегории.

Обращаясь к детским годам Ф.И. Тютчева, можно отметить, что родители с раннего детства прививали сыну уважительное отношение к природе, пониманию окружающего мира. В раннем возрасте детям легче понять природу. Ф.И. Тютчева также стали обучать еще с ранних лет. В этот период жизни дети понимают всю ценность окружающего мира и чувствуют с ним взаимосвязь. Так прививается и любовь к родине: к родным пейзажам, деревьям, бескрайним просторам. Автор любил вдаваться в детали, досконально описывая особенности и характерные черты конкретной местности, чтобы читатель мог соединить воедино весь пейзажный образ в

своем воображении. Своеобразие тютчевских пейзажей отчетливо видно в стихотворении, созданном в родовом имении Овстуг в 1846 г.:

*Тихой ночью, поздним летом,
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...
Усыпительно-безмолвны,
Как блестят в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убеленные луной...*

Анализируя это стихотворение, Н. Берковский точно подметил, что оно «держится на глаголах: рдеют – зреют – блестят. Дается как будто неподвижная картина полевой июльской ночи, а в ней, однако, мерным пульсом бьются глагольные слова, и они главные. Передано тихое действовање жизни...

В большинстве стихотворений Ф.И. Тютчева природа – не статичная, застывшая в бездействии картинка. Природа равноценна жизни, и как жизнь, она наполнена движением, изменчивостью, динамизмом развития, пусть и цикличным (каким бывает смена времен года). Мир в представлении Тютчева – это единое целое, но не застывшее в «торжественном покое», а вечно меняющееся и в то же время подверженное вечному повторению во всех своих изменениях. Исследователи говорят о «неслучайности» «пристрастия поэта к переходным явлениям в природе, ко всему, что несет с собой изменение, что в конечном итоге связано с понятием «движения». Не случайно в стихотворениях Тютчева так много глаголов движения. Повторяя эти глаголы, автор и создает полную динамики картину жизни мира. Ощущение радостного обновления, веселого, праздничного движения вносят многие яркие образы (например, бегущих вод-гонцов, «румяного светлого хоровода» и многие другие).

Схожие ощущения описаны В.В. Вересаевым в его «Воспоминаниях». Анализируя его «Воспоминания», можно сделать вывод о том, что описание природы становится одним из излюбленных приемов писателя, отражающих внутренний мир ребенка Викентия Смидовича, этапы его взросления, познания окружающего мира. Радость жизни переполняет Викентия Смидовича, оставившего мир детства и входящего в мир отрочества. Автор использует именно описание природы, чтобы показать эту смену жизненных циклов человека. Описания природы становятся более развернутыми, свободно перетекающими в осознание подростком своих внутренних перемен. Они подобны морю, стихийно накрывающими новыми ощущениями. Это подтверждает лексическое наполнение, использованное писателем. «Только что кончились переходные экзамены из пятого класса в шестой. Было то блаженство свободы, отсутствия нависшей угрозы, заслуженного права на отдых, какое бывает только после экзаменов. Стоял май, наш большой сад был, как яркое зеленое море, и на нем светлела белая и лиловая пена цветущей сирени. Аромат ее заполнял комнаты. Солнце, блеск, радость. И была не просто радость, а непрерывное ощущение ее». Или: «Сирень отцвела и сыпала на дорожки порыжевшие цветки, по саду яркой бело-розовой волной покатались цветущие розы, шиповник и жасмин». Завершением книги «Воспоминания. В юные годы» стала жизнеутверждающая картина весны, символизирующая начало взрослой жизни. «Та весна была великолепная, – яркая, жаркая и пышная. Я вставал рано, часов в пять, и шел в росистый сад, полный стрекотания птиц и аромата цветущей черемухи, а потом – сирени. Закутавшись в шинель, я зубрил тригонометрические формулы». И далее: «Погода по-прежнему была сверкающая, в раскрытые окна глядела налитая солнцем зелень сада, по блестящим полам медленно двигались под сквознячком легкие стаи пушинок от тополей».

И именно картины природы стали тем катализатором, что побудили подростка к литературному творчеству: «Помню, солнце садилось, над

серебристыми тополями горели золотые облака, в саду, под окнами моей комнаты, цвели жасмин и шиповник. Душа дрожала и сладко плакала, светлые слезы подступали к глазам. И я выводил пером:

Звезды

Звезды, вы, звезды,

Вы, чистые звезды!

Скажите мне, звезды,

Зачем вы блестите

Таким кротким светом,

Таким тихим светом,

Прекрасным огнем?» [1, V, 126].

В подростковом возрасте В.В. Вересаев, будущий прозаик, писал стихи. В его творчестве преобладала природная лирика, сюжеты которой тесно переплетались с душевными переживаниями автора.

Именно природа, наполненная эмоциями, природа не бездушная, по мнению Ф.И. Тютчева, способна пробудить в человеке желание творить, именно природа вдохновляет автора. Вспомним отрывок из стихотворения «Не то, что мните вы, природа»: «Не то, что мните вы, природа: Не слепок, не бездушный лик – В ней есть душа, в ней есть свобода, В ней есть любовь, в ней есть язык ...» В этом стихотворении Тютчев становится на защиту природы, заявляя, что она имеет свой голос и свободу («в ней есть душа, ...язык»). Тютчев считает, что те, кто видит в окружающем мире лишь кладовую полезных материалов, духовно ограничены. Такие люди никогда не поймут неповторимость окружающего мира, его красоту и их никогда не постигнет вдохновение.

Тютчев производит параллель между человеком и природой. В его произведениях природа переживает изменения, и автор сочувствует этому, однако подчеркивает, что не стоит этого бояться. Все когда-нибудь применит новые формы, осень сменится зимой, зрелость – старостью. Вместе с тем придет что-то новое и необычное: удивительная зима или мудрость. Автор

вновь подчеркивает, что жизнью надо наслаждаться здесь и сейчас, ценить каждый ее момент.

Такое радостнодушие по отношению к жизни легло в философское мировоззрение В.В. Вересаева, которое он назвал «живая жизнь». Идеино-художественная концепция писателя — «философия живой жизни» получила свое дальнейшее развитие и приобрела форму строгой программы в литературоведческо-философском труде, который будет считать лучшей из написанных им книг - «Живой жизни». Здесь Вересаев отстаивал право человека на жизнеутверждающее мировоззрение, оптимистическое восприятие жизни. Задачу искусства он видел в необходимости научить людей радоваться «живой жизни», каждому ее мигу, жить в гармоническом единении с природой. «Живая жизнь, — писал Вересаев, — не может быть определена никаким конкретным содержанием. В чем жизнь? В чем ее смысл? В чем цель? Ответ только один: в самой жизни. Жизнь сама по себе представляет высочайшую ценность, полную таинственной глубины».

Это мировоззрение В.В. Вересаев создал, анализируя творчество Толстого и Достоевского, философию Ницше, радостнояркое мировосприятие древних греков, в частности, Гомера. «...Во всех произведениях В. Звучат бодрые ноты, твёрдая вера в лучшее будущее человека. Симпатии В. В его произведениях на стороне бодрых, сильных, энергичных людей (Наташа в «Без дороги», Таня в «На повороте», Наташа в «Поветрии», дядя Белый и Розанов в «К жизни» и т.д.) На этот оптимизм В. обращают внимание критики, о нём говорят письма читателей. И свою переводческую деятельность, переводы древнегреческих поэтов, В.В. Вересаев связывает с утверждением идей «Живой жизни». Он видит в жизнеотношении древних эллинов подтверждение возможности воспитания в себе такого оптимистического мировоззрения, основанного на мужественном отношении к жизни. Это мировоззрение давало бы, как и древним эллинам, силу переносить все невзгоды жизни, все её испытания.

Эллинское мировосприятие жизни философски воплотил и Ф.И. Тютчев в своих поэтических произведениях. Тютчевское понимание мира во многом оказывается близким представлениям античных философов. А. Белый не случайно назвал Тютчева «архаическим эллином». Русский поэт в своем понимании мира, человека, природы «чудесным образом, до странности близко родствен» древним античным философам – Фалесу, Анаксимандру, Платону. Его знаменитое стихотворение 1836 г. «Не то, что мните вы, природа» отчетливо обнаруживает это родство миропониманий:

Не то, что мните вы, природа:

Не слепок, не бездушный лик –

В ней есть душа, в ней есть свобода,

В ней есть любовь, в ней есть язык...

Представляя природу единым, дышащим, чувствующим живым существом, Тютчев оказывается близким античным мыслителям, например, Платону, который называл мир в его целостности одним видимым животным. Резко выступая против своих оппонентов, не признающих в природе живое существо, Тютчев создает образ дышащего, живого, мыслящего, говорящего живого существа:

Они не видят и не слышат,

Живут в сем мире, как впотьмах,

Для них и солнца, зная, не дышат,

И жизни нет в морских волнах.

Образ природы в этих стихах действительно «чудесно близок» представлениям древних философов о дышащем мире (идея Анаксимена), идеям Гераклита о множестве солнц, которое древний философ отождествлял с днем, полагая, что каждый день всходит новое солнце. Утверждая свое представление о природе, Тютчев говорит и о «голосе» природы, и о неотделимости человека от этого мира. Эта неразделимость человеческого «я» и природного мира также роднит поэта с античными философами и резко разобщает его с теми современниками, кто не способен ощутить своего

слияния с природой. В стихотворениях Тютчева можно увидеть и другие представления, которые позволяют назвать поэта XIX века «архаичным эллином».

Отчетливо ощущая природу как некую извечную, живую силу, Тютчев стремится заглянуть за скрывающую ее завесу. Обращаясь к А.А. Фету, Тютчев написал в 1862 г.: «Великой Матерью любимый, / Стократ завидней твой удел – / Не раз под оболочкой зримой / Ты самое ее узрел...». Но и ему самому в полной мере была свойственна эта способность «узреть» Великую Мать – Природу, ее тайную суть под зримой оболочкой.

Ту незримую силу, которая стоит за каждым природным явлением, можно назвать Хаосом. Подобно древним грекам, Тютчев воспринимает его как живое существо. Это – первооснова бытия, скрываемая в дневной жизни тончайшим покровом и пробуждающаяся ночью и в непогоду в природе и в человеке. Но сам Хаос Тютчев не поэтизирует, идеал мироустройства он соотносит с другим понятием – «строй», т.е. с гармонией:

*Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.*

*Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе <...>*

Именно отсутствие этого «строя» в жизни человека – «мыслящего тростника» и вызывает горькое раздумье поэта. Называя человека «мыслящим тростником», поэт подчеркивает и его родство с природой, принадлежность ей и одновременно его особенное место в природном мире:

*Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.*

Откуда, как разлад возник?

*И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник.*

Понятие «завесы» - во многом метафорично. В творчестве Ф.И. Тютчева это мысленная преграда, препятствующая разуму человека познать и понять суть Великой Матери Природы. У В.В. Вересаева в рассказе, который так и называется «Перед завесою», завеса становится символом грозы, обновления природы. «Перед завесою» — одно из тех произведений писателя, где нашли отражение его собственные идейные искания. Центральная идея рассказа — идея «живой жизни». Главными символами «живой жизни» являются природа и искусство. Вересаев описывает, какой может быть сила эмоционального воздействия на человека природы и искусства. Для Вересаева «живая жизнь» — это, прежде всего, жизнь, когда нет «завесы», отделяющей человека от природы, жизнь человека в единении с природой. Это единение «дает душе жизнь». «В этой общей жизни — оправдание жизни и ее цель». Размышления о «живой жизни» приводят писателя к идее принятия жизни «такою, какая она есть».

Описывая природу, Вересаев погружает читателя в мир своих переживаний — он продолжает с еще большей силой испытывать единение с природой, пишет о целительном воздействии на человеческую душу природы и музыки. В. Вересаев хочет показать читателю, что природа загадочна и полна тайн. Но не только природа. Человек — часть природы, и его душа так же загадочна.

Эти настроения, эти мысли проходят красной нитью и в поэтическом творчестве Ф.И. Тютчева. Подобные философские параллели в мировоззрении и творчестве писателей позволяют говорить о едином источнике их вдохновения и мировосприятия – ПРИРОДЕ. Именно природа входит и в поэзию Тютчева, и в прозу В.В. Вересаева как один из объектов художественных переживаний. И именно эти темы – человек и мир, человек и Природа – позволяют писателям создавать в их творчестве разные образы

мира: мира гармоничного, пронизанного солнцем, мира мертвого, застывшего, мира грозного, бурного, в котором пробуждается хаос. Движение, только движение по мнению Тютчева и Вересаева, способно дать возможность познания окружающего мира и своего внутреннего роста.

Литература:

1. В. Вересаев. Собр.соч. в 5 томах. Биб-ка «Огонек», Т. 5. – М: Правда, 1961.
2. В. Вересаев. Литературные портреты. – М: Республика, 2000.
3. В. Вересаев. Собр.соч. в 4 томах. Т.1. – М: Правда, 1985.

Левина Елена Николаевна (онлайн),
к.ф.н., заведующий филиалом, Историко-культурный и природный музей-заповедник И.С. Тургенева «Бежин луг» ГУК Тульской области «Тульское музейное объединение».

Творчество И.С. Тургенева и Ф.И. Тютчева в оценке М.В. Прахова.

Братья Мстислав Викторович (1840–1879) и Адриан Викторович (1846–1916) Праховы — фигуры в искусствознании довольно известные и даже знаковые — теоретики искусства, разработавшие свою художественно-эстетическую систему взглядов, активные участники абрамцевского (Мамонтовского) художественного кружка.

В Государственном историко-художественном и литературном музее-заповеднике «Абрамцево» хранится огромный архив братьев Праховых — письма, записные книжки, документы, материалы русской и зарубежной периодической печати, рукописи статей, рабочие материалы — всего 867 единиц хранения.

Особый интерес для нас представляют критические статьи и заметки М.В. Прахова о творчестве Тютчева, Пушкина, Тургенева, создававшиеся в 1870-е годы. Это набросок «Пушкин на сцене. Накануне первого представления «Бориса Годунова» (16-го сентября 1870 года)», два очерка о Ф.И. Тютчеве, написанные после смерти поэта в июле 1873 года и статья о творчестве И.С. Тургенева.¹

Если личные и творческие контакты Тургенева с Антокольским, Репиным, Поленовым и другими представителями Мамонтовского художественного кружка исследованы достаточно подробно, имя Мстислава Прахова в работах о писателе практически не упоминается.

Возможно, их единственная встреча состоялась в летом 1875 года. Гостивший все лето у Мамонтовых М.В. Прахов в письме к матери 25 сентября 1875 года отметил «большое событие в жизни Абрамцева»: «б

августа был у нас интересный и приятный гость — И.С. Тургенев. Был очень внимателен ко мне».2

Неизвестно, был ли Тургенев знаком с теоретическими работами Мстислава Прахова, но вскоре после этой поездки в Абрамцево 13 (25) октября 1875 года И.С. Тургенев, писавший Я.П. Полонскому из Буживаля о литературных и художественных новинках, в числе прочего, упоминает: «Г. Адриан Прахов — судя по его статьям в «Пчеле» — кажется мне очень плох и скучен».3 А.В. Прахов вел в журнале «Пчела» художественный отдел. В №№ 36 и 37 от 21 и 28 сентября 1875 года там была напечатана «Вступительная лекция, читанная профессором искусств в Императорской Академии художеств А.В. Праховым 10 сентября 1875 г.».

Статья М.В. Прахова о Тургеневе не датирована, однако упоминание в тексте собрания сочинений И.С. Тургенева, вышедшего в свет в 1874 году в издательстве братьев Салаевых, позволяет утверждать, что статья была написана не ранее ноября-декабря 1874 года и до выхода в свет романа «Новь».

Статье предпосланы сразу три эпитафия:

«О, вы, русские — золотые у вас сердца!» (Инсаров, «Накануне»);

«Впрочем — на свете все возможно. Особенно — здесь, у вас, в России...» (Лемм, «Дворянское гнездо»).

«Ведь, кто знает! Может быть, и истины тоже нет, так же как нет великанов» («Гамлет и Дон-Кихот»).4

Статья начинается следующим замечанием: «Поэтическая — литературная, если хотите — личность Тургенева, популярнейшего русского писателя второй половины XIX века и одного из наименее признанных своим обществом, одного из национальнейших русских людей и прославленного любимца западной образованности, — эта, говорим литературная или поэтическая личность, этот деятель национальной русской поэзии — <...> какое это глубокое, любопытное, высокое, и прежде всего — какое это своеобразное историческое явление!!!»

Впрочем, по мнению критика Тургенев «...как творец, как поэт, далеко не великий (и никогда не претендовавший на это), но, как художник, как мастер своего дела, это человек изумительного смысла и вкуса, изменявших ему, сравнительно с другими, неслыханно редко: это глубочайший эстет, в корне художническая натура, по цельности душевного типа одна из чрезвычайно редких в наше перепутавшееся время натур».

В ряду тургеневских произведений Прахов особенно выделяет повесть «Призраки», которую называет одним из художественных откровений поэта и «виртуознейшим образцом всей европейской прозы». В «Статье о Тютчеве» он пишет: «Чудная проза Тургенева зазвенела сплошную, чистейшей поэзией во всем обаянии звуков и красок в “Призраках” и потом *morendo* в “Довольно”». Надо заметить, что к явным неудачам писателя Прахов относит повести «Несчастливая» и «Вешние воды».

Критик не придавал особенного значения и «Запискам охотника». По мнению Прахова, знаменитый цикл тургеневских рассказов «не что иное, как первая только попытка обнаружения определенной художественной личности. <...> Не напиши он «Записок охотника», не бери он в свою психологическую сферу типов общества (а не народа, как Лесков в «Соборянах»), останься он только при таких чудных созданных, каковы «Призраки», «Довольно». «Бригадир» и др., он, очевидно, остался бы тем же Тургеневым, ни на волос не умолив своего исторического и художественного значенья, но публика его была бы несравненно меньше, может быть, также мала, как у Фета.

«Тургенев от первой своей строки до последней все тот же Тургенев, хотя собственно, в различных степенях раскрытия своей силы, кульминирующей в “Дворянском гнезде” и еще более в “Первой любви”». Прахов делает еще одно, очень важное, на наш взгляд, замечание: «немногие из писателей так воспитывали в своей публике религиозное чувство, как эта нерелигиозная, эстетическая натура (вспомните, напр. последние строки

“Дворянского гнезда”, конец “Первой любви”, эпилог “Отцов и детей” и пр.).»

Говоря о нападках и несправедливости отечественной критики по отношению к писателю, Прахов отмечает, что она «не только не исполнила своей обязанности по отношению к Тургеневу, т.е. не только не объяснила обществу его поэтического значения, но напротив: сделала все, чтобы помешать истинной оценке этой дорогой для нашего общества деятельности».

Главными свидетельствами общеевропейской популярности писателя, по мнению Прахова, являются два факта: любовь к произведениям Тургенева и нашей и западной публики, любовь, выражающаяся, конечно, не только многочисленными изданиями сочинений писателя как русскими, так и зарубежными, но и «можно сказать, невольное и неохотное признание первенствующего достоинства нашего поэта в современном искусстве критикою господствующей в Европе интеллигенции, разумею немецкой, — заметьте, этой действительно высокой интеллигенции, но только наполовину могущей понять и нас, и нашего поэта».

Для Прахова, безусловно, была важна и проблема национального в искусстве, одна из наиболее волнующих русское общество в это время эстетических проблем. Вспомним, он называет Тургенева «одним из национальнейших русских людей». По его мнению, «Ни одна европейская литература не представляет ни одной поэтической личности такой формации, как Фет и Тургенев, — которые, замечает Прахов, — и у нас остаются единственными в своём роде». Этим, как полагает критик, и объясняется необыкновенный успех Тургенева на Западе: «по высоте своей образованности Запад несравненно лучше нас оценил его, хоть и чувствует в нём чужого себе».

В качестве доказательства своего мнения Прахов приводит строки из опубликованной в 1868 году в «Немецких ежегодниках» статьи Юлиана Шмидта «Иван Тургенев»: «По силе своего поэтического таланта Тургенев

не уступает никому из ныне живущих писателей Европы <...>, и чем глубже вчитываешься в его сочинения, тем больше поражаешься его дарованию и мастерству <...>. Нация, которая <...> породила такого писателя — и не его одного, — поистине может оправдать любые надежды».

«В 1874 году тот же известный критик, — продолжает Мстислав Прахов, — заключал свои статьи о Тургеневе уже следующими словами: «Как художник, — в чем убеждаюсь все больше и больше — я понимаю строго определенную область повести или новеллы — он (Тургенев) — первый между живыми». Упрекнув Шмидта в недостаточно глубоком, по его мнению, понимании поэзии, Прахов, при этом замечает, что статьи немецкого литератора о Тургеневе, и в особенности, объяснения «Призраков» кажутся ему «самым лучшим, что только он когда-нибудь написал».

Прахов полагал: «Полётом, разносторонностью и яркостью творчества Тургенев и Фет далеко не могут равняться с великими мёртвыми, Пушкиным, Лермонтовым и Гоголем, уступят даже иному современнику, как Л. Толстому, но, по глубочайшим инстинктам их мироощущенья, по изумительному неизменному и всеприсущему чувству красоты, гармонии и меры, эти два несравненных природных художника <...> два мастера».

Это замечание, как нам кажется, удивительно созвучно данному Д. Мережковским определению «гений меры», прозвучавшему в его статье «Тургенев» в 1909 году: «В России, стране всяческого, революционного и религиозного, максимализма, стране самосожжений, стране самых неистовых чрезмерностей, Тургенев едва ли не единственный, после Пушкина, гений меры и, следовательно, гений культуры. Ибо что такое культура, как не измерение, накопление и сохранение ценностей?»⁵

По утверждению Прахова, и Тургенев, и Фет «резко отличаются от всех поэтов, как родных, так и иноземных, сферой жизни, дающей им материал: эта сфера — ежедневная жизнь: ничего необыкновенного,

страстного, патетического, яркого, ничего — словом — поразительного — и это они превращают в золото поэзии!..»

В феврале 1875 года сам Тургенев, отвечая на вопрос М.А. Милютиной о его мирозерцании, написал следующее: «Я преимущественно реалист и более всего интересуюсь живой правдой людской. Ко всему сверхъестественному отношусь равнодушно, ни в какие абсолюты и системы не верю, люблю больше всего свободу. Все человеческое мне дорого, славянофильство мне чуждо, как и всякая ортодоксия».6

Говоря о творчестве Тургенева и Фета, Прахов отмечает: «тут есть величайшая простота и естественность! А не простая погоня за естественностью, так легко превращающаяся в манерность, приторность, сентиментальность (ср. попытки Марко-Вовчка) — нет, этого и в помине нет! Очевидно, оба поэта обладают философским камнем поэзии: до чего они не коснутся, всё у них обращается в золото! Этот камень — глубокое и чуткое мироощущенье, живой поэтический идеал, на фоне которого рисуется у них малейшее движение души, всякое положение, каждая фигура. <...> Для них существует, больше, чем для кого-либо, внутренняя красота. Оба очевидно чувствуют громадное, непомерное, потрясающее в судьбах человека и всей жизни <...> Невольно вспоминается древний пророк, говоривший, что в тихом шелесте листьев, колеблемых ветерком, он слышит Господа так, как не слышит его в буре и громах... Это, заключает Прахов, — поэты-психологи. К этой небольшой группе «поэтов-психологов» критик относит и Ф.И.Тютчева. Творчеству поэта посвящены два наброска, озаглавленные: «Литературный очерк» и «Федор Иванович Тютчев».

Характеризуя творчество поэта, Прахов отмечает «личный момент, весьма сильный в поэзии» Тютчева, сожалеет о том, что «поэтическую деятельность, не прекращавшаяся до самой его смерти», лишила, к сожалению, «надежды увидеть новое, исправленное им самим издание его стихотворений».

Назвав поэта «небольшой, но весьма своеобразной поэтической фигурой», Прахов отмечает, что «Известность Тютчева в большом кругу грамотных людей, побывавших в гимназии, держится на нескольких стихотворениях, обыкновенно помещаемых в хрестоматиях (каковы: «Эти бедные селенья», «Пошли, Господь, свою отраду», «Восток белел... ладья катилась», «Люблю грозу в начале мая» и несколько других), да на известной песне («Я очи знал... О, эти очи!», положенной на музыку и обратившуюся в один из любимых романсов. Но, разумеется, на них может основываться лишь простое знание его имени: Тютчев ими ни мало не исчерпывается, не характеризуется, не оценивается. Стихотворения же, действительно характеризующие его, дающие содержание и основу для его оценки, — по нерешительности, часто противоречивости своей формы, навсегда, кажется, останутся достоянием небольшого числа записных друзей искусства, и, конечно, на первом плане, достоянием самих же поэтов, как это уже и сказало на деле. Такие люди всегда будут любоваться внутренними мотивами этих полу-набросков, полу-картин, не нашедших себе настоящей формы, соответствующего тела».

«При видимо замечательном даровании, в соединении с благородными, высокими движеньями души, при значительной способности концепции в связи с общею страстною восприимчивостью и подвижностью, при сильном полёте мысли, хорошей образованности и бывалости, он не нашёл своего определённого мироощущения — как следствие этого, ничуть почти и не добился своей формы, ни внутренней, ни внешней и совершенно не определили для себя своего отношения к искусству: видимо, он и не думал работать над всем этим. Это он сам признавал и в стихах, написанных им на экземпляре, подаренном им М. П. Погодину, сам характеризует их случайный, неряшливый вид. Когда ему было уже 50 лет, И.С. Тургенев «настоял» на том, чтобы собраны были имеющиеся стихотворения, и они были напечатаны в «Современнике» и затем, тогда же, в 1854 году, появились отдельной книжкой; потом издание было повторено через 14 лет с

пополнениями в Москве в 1868 году, с фотографией автора. Вот два единственные издания стихотворений Тютчева. Второе, полнейшее до сих пор издание, есть маленькая книжка в 12-ую долю в 250 страниц. Слабой стороной творчества Тютчева Прахов называет «массу стихотворений на случай, составляющих целую треть всех его произведений и отсутствие антологических пьес». «Стихи на случай, стихи, обращённые к лицам, могут заключать в себе самые высокие, самые благородные мысли (как в данном случае стихотворенья: «По случаю приезда австрийского эцгерцога на похороны императора Николая», «Императору Александру II», «Encyclica» и «На юбилей Карамзина»), могут иметь разную ценность, могут возвышаться над сродными себе», но, продолжает Прахов, «Так или иначе, тут что-то очень невыношенное, недодуманное — и невольно вспоминается (зачёркнуто: пресловутый) комический некрасовский запрет, при таких-то и таких-то обстоятельствах «воспевать лазурь небес» и моря, и ласки милой»!* — <...> Отсутствие антологических пьес ещё замечательнее. Вот наше виденье поэта, начиная с Пушкина, за исключением, понятным, Кольцова, Некрасова и странным, хоть и объяснимым, Лермонтова, так или иначе, вели знакомство с античной поэзией, многие из них, и во главе их сам Пушкин, писали антологические стихотворенья». Тютчев, очевидно, знакомый с античным миром, хоть уже в качестве современного образованного человека, не экспериментировал, однако ж, не работал и здесь над искусством, как это необходимо делает каждый мастер».

В «Литературном очерке» Прахов называет Тютчева «одной из святых, благородных личностей, прямо поэтической душой», чья «нравственная его физиономия складывалась из тонких, нежных, часто неуловимых черт, природное изящество которых было сильно окрашено своеобразными страданиями (зачеркнуто: земного бытия) поэта (нрзб.) поэтической творческой тоской». Вот где невольно сворачиваемся и смотрим, не возьмется ль мастерская рука Тургенева нарисовать нам это задумчиво-живое лицо с его «болезненно-страстными днями» с его пророчески-

неясными, пророчески-сильными инстинктами»? Это был бы суший подарок для нас: наша словесность обогатилась бы новым образцовым созданием и оригинальная фигура усопшего поэта заговорила бы с нашей фантазией, с нашей душой! Тургенев же был одним из близко стоявших к покойному, любил его. Его наставленьями явился в свет и сборник его стихотворений (зачеркнуто: покойного), единственный до сих пор источник, из раскиданных (зачеркнуто: часто), нешлифованных алмазов ... которого можем мы лишь с трудом, и то лишь гадательно, приблизительно, сложить себе подобие (зачеркнуто: поэтической одной лишь) только поэтической личности отшедшего в вечность. Вообще мы имеем право ждать и требовать от кого-либо из близких Тютчеву писателей его портрета или по крайней мере живых воспоминаний. Пусть архивариусы, библиографы ученые роются в материалах, находят сведенья и факты, их добрый и честный труд мертв для нас творческой силой художника!»

Вместе с тем, Прахов отмечает слабую, с его точки зрения, продуктивность Тютчева, которая, по подсчетам критика, оказалась вдвое меньше продуктивности Фета и в шесть раз меньше Майкова. Здесь, надо отдать должное, Прахов делает оговорку: причина этой слабой продуктивности русских поэтов, в отличие от, например, немецких, кроется, отчасти, в их строгости к себе и разборчивости: далеко не всё то, что есть в портфеле, печатается.

В данном случае Прахов, возможно, не в последнюю очередь, имел в виду и самого себя и свои работы. Литературные статьи, по всей видимости, не были завершены и опубликованы. Собственно, его литературное наследие вообще крайне невелико. В 1871 году в «Русском вестнике» было напечатано стихотворение «Караван теней» с подзаголовком «Рассказ путника» и посвящением Савве Ивановичу Мамонтову; еще один перевод из Гейне «Северное море» был опубликован в декабре 1872 года в 32-ом номере журнала «Гражданин».

Заслуга Мстислава Прахова перед русской культурой выразилась не в томах печатных трудов.

В 1900 году В.Д. Поленов, возвращаясь ко времени знакомства с Мстиславом Праховым, писал Савве Мамонтову: «Он сделался почти без ведома для себя основателем нашего единения, положив первый камень художественному зданию. Внешне странный, почти юродивый, он своим высоким настроением выделялся и даже как бы противоречил общему тогда представлению о передовом человеке. В то время, когда эстетика изгонялась из общества, а на ее место возводилась доктрина, тенденция, он, в своем наивном идеализме имел мужество пойти против течения и тихо, но твердо выставить эстетическую потребность человека не только как возможного деятеля, но как одно из самых необходимых начал человечества».

Примечания.

1. ФГБУК «Государственный историко-художественный и литературный музей-заповедник «Абрамцево» МА КП 1460. Рук 482.
2. Прахов Н.А. Старое Абрамцево. Воспоминания детства. Абрамцево, 2007. С. 71.
3. Тургенев И.С. Полн. Собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М.: Наука, 2003. Письма. Т. 14. С. 162.
4. Здесь и далее цитаты приводятся по указанному документу: ФГБУК «Государственный историко-художественный и литературный музей-заповедник «Абрамцево». МА КП 1460. Рук 482.
5. Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб., 2007.
6. Тургенев И.С. Полн. Собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М.: Наука, 2003. Письма. Т. 14. С. 39.

монахиня Екатерина (Захарова),

насельница Аносина Борисоглебского ставропигиального женского монастыря, заведующая канцелярией Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата.

**«Предельно любящая мать и душевный вам друг до конца жизни».
Домашняя атмосфера в семье Тютчевых сквозь призму письма
П.Д.Панютиной к дочери Н.Н.Шереметевой на Пасху 1811 года**

Аносин Борисоглебский монастырь в рамках изучения истории обители активно занимается, в том числе, работой с архивами. В ходе этой деятельности в Отделе рукописей Российской Государственной Библиотеки нами было обнаружено письмо Пелагеи Денисовны Тютчевой² (урожденной Панютиной) (1739–1812) к дочери Надежде Шереметевой³ (урожденной Тютчевой)⁴. Отрывок из письма публиковался в юбилейном Полном собрании сочинений и писем Тютчева Ф.И. в 6 т. (Т. 4. М., 2004. С. 481-482). С незначительными сокращениями и с комментариями опубликовано оно в книге «Процветёт обитель моя...», посвященной 250-летию основательницы Аносина Борисоглебского монастыря игумении Евгении (Мещерской), урожденной Тютчевой⁵. Анализ почерков и орфографии данного документа дает основания предположить, что записано оно дворовым писарем (из крепостных), подписано лично Пелагеей Денисовной. В конце письма имеется приписка другой рукой, частично расположенная и на полях перпендикулярно основному тексту. Можно предположить, что дополнения принадлежат княгине Евдокии Николаевне Мещерской, будущей игумении

² Пелагея Денисовна Тютчева (урожденная Панютина) – мать игумении Евгении (Мещерской), основательницы Аносина Борисоглебского монастыря, бабка поэта Ф.И.Тютчева.

³ Надежда Николаевна Шереметева (урожденная Тютчева) – младшая сестра игумении Евгении.

⁴ ОР РГБ. Ф. 340. К. 20 (VII а). Ед. хр. 25.

⁵ «Процветёт обитель моя...»: К 200-летию основания Борисоглебского Аносина женского монастыря и 250-летию со дня рождения игумении Евгении (Мещерской). М.: Борисоглебский Аносин ставропигиальный женский монастырь, 2024, С.209-212.

Евгении, аргументы в пользу этой гипотезы, а равно аспекты, вызывающие сомнения, будут рассмотрены ниже.

Прежде всего, хотелось бы сказать пару слов о корреспонденте этого письма. Младшая из сестер Тютчевых, Надежда Николаевна (1775–1850), выйдя замуж за московского помещика Василия Петровича Шереметева, в качестве приданого получила имение Хорошково в Рославльском уезде. В 1801 г. на свои средства построила там церковь. Храм был деревянным и до нашего времени не сохранился. В имении ее супруга — Покровском-Шереметево под Рузой — она пережила краткое семейное счастье; с этим местом также связано и начало испытаний, выпавших на ее долю.

В 1808 г. супруг Надежды Николаевны погиб по нелепому случаю, оставив вдову с тремя малолетними детьми (младшей дочери в то время не исполнилось и двух лет). Вскоре после того, как Надежда Николаевна оправилась от горя, делом ее жизни стала забота о людях, порой ей совсем неизвестных. По словам одного из ее потомков, «всю свою жизнь, быть может, несколько суетливо, но без всякого показного эффекта, она хлопотала о самых различных людях», то помещая ребенка или пожилую женщину в больницу, то навещая мать, потерявшую сына. Ей доверяли значительные средства на самую разнообразную благотворительную помощь.

Сохранилось множество теплых доверительных писем к ней ее племянника Ф.И. Тютчева, в судьбе которого, как и в судьбе его дочерей, она принимала самое деятельное участие. Известна ее переписка с В. А. Жуковским, а также слова поэта, к ней обращенные: «Поверьте мне, что люблю вас всем сердцем за вас самих и за ваше несчастье, которое вы умеете делать высоким добром для вашей жизни»⁶. В течение восьми лет, до самой своей смерти, она состояла в переписке с Н.В. Гоголем и оказала значительное влияние на его религиозные настроения. Писатель постоянно просил ее молиться о нем: «...его первою мыслью было просить молитв о себе ... у “духовной матери” Н.Н. Шереметевой. Глубоко верил Гоголь в

⁶ Русская старина. 1892 Т. 76 Окт. С. 150-151.

силу молитв этих, и чем тяжелее было на душе, тем сильнее он чувствовал нужду в нравственном освежении, которое всегда выносил из ее бесхитростных, но неизменно полных участия писем»⁷. Их переписка была для великого писателя «нравственным убежищем в трудные минуты жизни»⁸. Сам Н.В. Гоголь свидетельствовал: «В мои болезненные минуты, когда падает мой дух, я всегда нахожу в них <письмах Н.Н. Ш.> утешение и благодарю всякую минуту руку Провидения за встречу мою с Вами»⁹.

Это была удивительная женщина, пламенного характера, твердой воли, наделенная глубочайшей верой и любовью к людям. Вместе с тем, она с полным пренебрежением относилась к светским условностям: «Одна богатая и знатная дама, госпожа Шереметева, утратила всякое к себе уважение за то, что ездила в дрожках, обрезала себе волосы и одевалась просто», - писал о ней в Автобиографических заметках Е.Ф. фон Брадке.

Не удивительно, что именно ее выбрала мать адресантом своего письма, Н.Н. Шереметева была благодатным корреспондентом. В.А. Жуковский отзывался о ее эпистолярном даре: «Ваше письмо точно Вы сами: та же простая, чистая доброта в нём дышит, какую я нашёл в Вас самих»¹⁰

Письмо датировано 23 марта 1811 года, направлено из Овстуга. В нем затрагиваются две интересные темы: во-первых – семейные отношения старшего поколения Тютчевых, а во-вторых – хлопоты Пелагии Денисовны о завершении строительства некоего храма. Последнее является весьма примечательным фактом в контексте сложившейся в семействе Тютчевых традиции храмоздательства. Заложена она была дедом поэта Н.А.Тютчевым, во всех своих имениях возводившим храмы (Троицкий в Гореново, Успенский в Овстуге, Знамения Пресвятой Богородицы в Знаменском). Как

⁷ Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя: Т. 4 М., 1897 С. 140

⁸ Там же. С. 375

⁹ Письма Н. В. Гоголя. Под ред. [В. И. Шенрока](#). СПб.: 1901. Т.2. С. 244.// Библиографические записки. 1858. № 22. Стр. 475.

¹⁰ Письма В. А. Жуковского и Н. М. Языкова к Н. Н. Шереметевой // Библиографические записки. 1858. № 22. Стр. 475

видим, продолжательницей этого дела (а не исключено, что и вдоховительницей его с самого начала) стала супруга Николая Андреевича, Пелагея Денисовна. Сыновьям в наследство достались более благоустроенные родительские имения, в которых уже существовали церкви, но и им приходилось не только поддерживать их, а достраивать – как Троицкий собор в Гореново, и иногда перестраивать – как церковь Живоначальной Троицы в Теплом Стане. Ну а эстафета храмостроительства перешла к дочерям: Ахтырская церковь в Чернетово, Преображенская в Творишичах, Покровская в Покровском-Шереметево, а также Аносинский Борисоглебский монастырь – стали живым памятником веры и благочестия этих сильных духом женщин, мужественно преодолевавших жизненные невзгоды. Все они: Анастасия, Варвара, Евдокия и Надежда – рано овдовели, но, лишившись родных людей, не утратили веру в Бога и любовь к ближним, посвятив жизнь благотворению.

Письмо Пелагии Денисовны является важным свидетельством ее попечительной заботы о возведении храма. Большая его половина посвящена именно этому вопросу, причем обсуждает ее Пелагея Денисовна со своей дочерью в мельчайших подробностях, ничуть не сомневаясь, что и для ее корреспондентки поднятая тематика не покажется скучной и утомительной. «От 12 письмо твое получила. Пишешь о железе, б^Ф дорого, да чем же переменить, а кончится каменная работа, покрыть непременно надо <...>¹¹ очень хочется, чтобы нынешним летом кончить каменную работу покроем. Сосуды¹² княгиня ко мне прислала прекрасные, и вызолочены хорошо, Евангелие есть и крест куплен. Надо, мой друг, помышлять землю отмежевать. Как к оному приступить, я не знаю, посоветуй, с кем, знающим человеком, нынешним летом надо отмежевать». Трудно сказать, о каком именно храме идёт речь, но писано письмо из Овстуга Великим Постом 1811 года. Именно в это время достраивался Троицкий храм в Аносино, но

¹¹ Здесь опущен фрагмент о подробностях закупок для строительных работ.

¹² Имеются в виду церковная утварь для совершения богослужения.

маловероятно, чтобы заботы Пелагии Денисовны простирались на столь дальнее расстояние. Другие же известные нам «тютчевские» храмы в это время либо уже были выстроены, либо их возведение еще не было и в проекте. Возможно, речь идет о каких-то реконструкционных работах в одном из ранее построенных храмов, например в Овстугской церкви св. вмц. Параскевы Пятницы.

Помимо «деловой» части письма обращает на себя внимание раскрывающаяся в нем картина родственных отношений семейства Тютчевых. С первых же строк письмо окутывает особой неподражаемой задушевностью интонаций. «Милейшая Надюженька, Жизнь души моей, будь здорова с милейшими нашими детушками!

Считая по числам, что сие письмо получишь перед праздником, с великим праздником Христа Спасителя нашего от истинности души моей поздравляю. Дождусь если сего праздника, будучи в Церкви Божией, мысленно вас объемля, целую: *Христос воскрес!*

Здравствуй, мой друг Надежда Николаевна, с любезными нашими детушками. Моля Всевышнего о здравии вашем, хотя я розна с вами, но душой и сердцем неразлучно с вами».

Пелагея Денисовна, к тому времени 72-х летняя старица, упоминает о своей болезни. «Касательно до моей болезни от 27 декабря, и поднесь продолжается», она утешает дочь, что недуг ее ныне «гораздо меньше, нежели прежде было. Благодарю Бога, от оной болезни слабости не чувствую». Однако, очевидно, до конца оправиться ей уже не пришлось, в следующем, 1812 году, Пелагеи Денисовны не стало.

В письме упоминаются почти все дети и внуки Пелагеи Денисовны, причём особенно она утешается любовью ласкового Феденьки (будущего поэта).

У Пелагеи Денисовны и Николая Андреевича Тютчевых в семействе выросло семеро детей (еще трое умерли в младенчестве)

- Старший сын — Дмитрий Николаевич Тютчев (1765 — до 1829), поэт, в 1788 лишен права наследства;
- Средний сын — Николай Николаевич Тютчев (1767—1832), офицер лейб-гвардии Кирасирского полка, по выходе в отставку — коллежский советник;
- Младший сын — Иван Николаевич Тютчев (1768—1846), отец поэта Ф.И. Тютчева;
- Старшая дочь — Анастасия Николаевна Надаржинская (1769—1830), вдова предводителя харьковского дворянства А.Ф. Надаржинского;
- Вторая дочь — Варвара Николаевна Безобразова (1771—1828), вдова орловского помещика Александра Безобразова;
- Третья дочь — Евдокия Николаевна Мещерская (1774—1837), вдова князя Бориса Ивановича Мещерского, с 1823 года игуменья Евгения, настоятельница Борисоглебского Аносина женского монастыря;
- Младшая дочь — Надежда Николаевна Шереметева (1775—1850), вдова Василия Петровича Шереметева.

Все они перечисляются в тексте, кроме Дмитрия, которому было отказано от дома, и он, вероятно, связь с родственниками не поддерживал – о нем мать умалчивает. Нет в письме и имени Евдокии (Авдотьи) Николаевны, княгини Мещерской. Вряд ли это связано с тем, что мать «забыла» о ней. Почему не упоминается имя Евдокии и каким образом она все же присутствует в данной переписке, мы укажем позднее. Пока вернемся к тексту письма.

«На сей почте от Варвары письмо получила. Пишет, учителя к тебе отправляет. Дай Бог, чтобы хороший человек был, переменные учителя великое препятствие детям в науке».

Варвара Николаевна, лишившаяся мужа – морского офицера – в русско-турецкой войне, в то время имела уже подросткового сына Александра Александровича. Вскоре, в грозном 1812 году, он будет принимать активное участие в боевых действиях в качестве подпоручика лейб-гвардии

артиллерийской бригады, бессменного адъютанта фельдмаршала М. И. Кутузова и падет смертью храбрых на полях Отечественной войны. Безутешная мать излила свое горе в возведении уникального храма Преображения Господня в Творишичах, архитектурной иконы горы Фавор, к строительству которого она подошла с полным самоотвержением, отдав на него последние средства, так что это стало поистине лептой евангельской вдовицы. Пока же она предлагает своей сестре учителя, уже не нужного ее сыну, для воспитания малолетних племянников.

И этот сюжет исполнен глубокого значения, а в известной степени даже стал судьбоносным для Надежды Николаевны. Будучи в то время также уже вдовой, она воспитывала троих детей: двух дочек и старшего сына, которому только исполнилось 11 лет. Естественно, вопрос выбора достойного семейного учителя весьма занимал одинокую мать. О надежном человеке ей казалось всего вернее советоваться с родственниками. Известно, что в конце 1810 года по рекомендации другой сестры, А.Н. Надаржинской, в дом Шереметевых попал С.Е. Раич (Амфитеатров, младший брат святителя Филарета Киевского), о чем он сам сообщает в своей «Автобиографии». Вероятно, не сразу Надежда Николаевна прониклась доверием к юному учителю, раз весной 1811 года принимала кандидатов и от второй своей сестры. И здесь, можно сказать, Пелагея Денисовна деликатно заступает за С.Раича, приводя на вид, что частая смена учителей не благоприятствует воспитательному процессу. Надежда Николаевна, действительно, в конце концов, остановила свой выбор на С.Е. Раиче, что во многом предопределило дальнейшую судьбу ее семьи. Раич оказался вовлеченным в круг столь же романтически настроенных молодых людей, которые, увлекаясь духом времени, вскоре прониклись политическими взглядами, приведшими к Декабрьскому восстанию. Друзья Раича были вхожи и в дом, принявший его в качестве учителя. Так состоялось знакомство Шереметевых с кружком декабристов. Оба зятя Надежды Николаевны и ее сын оказались вовлечены в это движение. Так судьба уготовала этой искренней и отважной женщине

еще одну роль – быть вдохновительницей движения жен декабристов, не по политическим взглядам, а по велению христианского сердца. Но это было значительно позже. Пока же вернемся в предпасхальные дни 1811 года.

С особой нежностью пишет Пелагея Денисовна о своем младшем сыне, унаследовавшем после ее кончины и имение матери «Овстуг», откуда пишется это письмо. «К удовольствию моему Ванюша мой приехал с большими сыновьями. Не по моде сделал, а по сердцу. Жену оставил с маленькими детьми, а к матери старухе приехал. Бог ко мне милостив, не по делам моим, а по милости Его». И.Н. Тютчев (Ванюша) приехал к своей матери с сыновьями Николаем и Федором, младшие дети — Дмитрий и Дарья — остались с Е.Л. Тютчевой. Федору Ивановичу Тютчеву, будущему поэту, на момент написания письма 7 лет. Данный документ – едва ли не первое из известных упоминаний о нем. И оно весьма колоритно.

«Одно меня оскорбляет, а другое подкрепляет, а Феденька так ко мне ласков, что я описать не могу. Говорит, в Москве многие его любили, но никто так любить не может, как моя бабушка! И он никого больше любить не может». Видно, что тонкая натура лирика и галантность обращения с раннего детства находили взаимный отклик в женских сердцах.

Заведя речь о внуках, Пелагея Денисовна вспоминает и о детях своего старшего сына, унаследовавшего отцовские имения в Гореново и Знаменском: «А из Николаевых детей Алексей ко мне привязан».

Старшая дочь Пелагеи Денисовны – в дороге. «Не знаю, как доехала душевный наш друг Настасья Николаевна, я из Курска только от ней письмо имею». Направление, судя по всему, не случайно. Судьба Анастасии Николаевны тесно была связана с южными землями на Харьковщине. В совсем юном возрасте, 14 лет от роду, она вышла замуж, за харьковского помещика Алексея Филипповича Надаржинского, который был старше ее на 22 года и скончался спустя 16 лет совместной жизни в 1799 году, после чего вдова, оставшаяся бездетной, посвятила свою жизнь служению ближним. Надаржинские были известными ктиторами Ахтырского Свято-Троицкого

монастыря. Сестра Анастасии, игуменья Евгения (Мещерская), вспоминала о ней как о «благотворительнице здешней обители» и свидетельствовала, что «некогда она делала много добра людям»². Подтверждением благотворительной деятельности Анастасии Николаевны служит благодарственное письмо к ней императрицы Марии Федоровны, выражающей признательность за ее активное попечение о Харьковском институте благородных девиц.

«Настасья Николаевна, — писала императрица Мария Федоровна из Петербурга 9 марта 1825 г. — Я получила донесение Ваше и при оном реестр сумм, по званию Председательствующей в Благотворительном обществе вами приобретенный в пользу Харьковского Института благородных девиц. Сей новый опыт попечительности вашей о заведении, в благосостоянии коего приемлю Я искреннее участие, поставляет меня в приятную обязанность изъявить вам мою совершенную признательность; прошу вас также принять искреннее мое сожаление в постигшей вас продолжительной болезни и, пользуясь сим случаем, уверить вас в искреннем доброжелательстве, с каковым пребываю к вам благосклонною — Мария»¹.

Заканчивается письмо матери Тютчевского семейства все в том же задушевном тоне «Прощай, моя голубушка, прости, душа души моей, будь с вами милость Божия и мое чистосердечное благословение, объемля прижать тебя к моему сердцу с милыми детушками *Христос воскрес!* Здравствуй, моя родная, будьте здоровы и спокойны, сего желает предельно любящая мать и душевный вам друг до конца жизни».

Далее следует собственноручная неразборчивая подпись старицы: «Тютчева Христос воскрес здрав...<нрзб>»

Дойдя до конца письма, изобилующего столь интересными подробностями и свидетельствами активной включенности Пелагеи Денисовны в жизнь всех своих потомков, мы встаем перед вопросом: почему в нем даже не упоминается имя третьей ее дочери, Евдокии Николаевны, княгини Мещерской, к тому времени, как и прочие ее сестры, овдовевшей и

воспитывавшей дочь Анастасию. Евдокия Николаевна, не менее яркая личность, чем ее сестры, после кончины супруга также сделала лейтмотивом своей жизни помощь ближним, стараясь посвящать дела благотворительности памяти почившего супруга, князя Бориса. К 1812 году она выстроила в своем Подмосковном имении Аносино храм Святой Живоначальной Троицы с приделом в честь небесных покровителей мужа князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. Спустя 10 лет она основала при церкви богадельню, вскоре получившую официальный статус общежития – первый такой случай в Московской епархии – и свод правил, составленный лично святителем Филаретом (Дроздовым). В 1823 году общежитие с Высочайшего соизволения было преобразовано в общежительный девичий Аносин Борисоглебский монастырь, ставший впоследствии образцом для возрождения общежительной традиции женского монашества.

Неужели мать «забыла» об этой дочери, даже не упомянув ее в письме? Уверены, что это не так.

Во первых, в части письма, посвященной строительству храма, упоминается некая *княгиня*, принимающая активное участие в его оснащении, в том числе, приобретая для него богослужебную утварь – прекрасно вызолоченные сосуды. В разговоре матери с младшей дочерью личность этой княгини настолько очевидна, что не возникает даже необходимости называть ее по имени. Весьма вероятно, что речь идет именно о княгине Мещерской. Казалось бы, при столь задушевных интонациях в отношении других детей, удивительно, что Евдокию мать называет так официально, вместе с тем это вполне объяснимо психологией сословного общества. Ведь столь выдающейся привилегии, как княжеский титул, ни у кого более в семействе не было – и это было важно для старой дворянки.

Но есть и более существенное объяснение тому, что Пелагея Денисовна не пишет о своей третьей дочери. Ключ к разгадке может крыться в приписке к письму. После собственноручной подписи Пелагеи Денисовны на

оставшемся свободном месте листа другой рукой сделана приписка. Она не поместилась на странице и дописывалась также на полях поперек основного текста.

«Благодарю, Любезнейшая Сестра, за твое писание, также и за покупку, я все получила – поздравляю с праздником, дай Бог тебе и любезным твоим детям все доброе – мне очень грустно.

Скажите Ольге Сес. (?) спасибо за индеек– купите что-нибудь ее дочери и подарите от меня – как мне жаль, что дороги нет. Пожалуйста, помолись за меня Богу. Простите.

Бог с вами, останусь во всю жизнь любящая вас Е(б?).

<На полях:> уведомя, что у Полины¹³ прошло на груди и что ее зубы, так мне всех вас видеть хочется».

Кто же эта *любящая сестра*, без смущения дописывающая письмо матери, обращенное к дочери? Элементарный логический анализ дает основания предположить, что это именно Евдокия Николаевна. К сожалению, пока у нас не было возможности провести почерковедческую экспертизу. Вместе с тем простое сличение данной приписки с имеющимися в нашем распоряжении автографами игумении Евгении (Мещерской) позволяет заметить схожее написание многих характерных букв. В то же время почерки не абсолютно идентичны – что не удивительно, ведь известные нам аутентичные документы игумении Евгении датированы целым десятилетием позже. Есть, впрочем, важный момент, не позволяющий безоговорочно атрибутировать данные строки. Адресант подписывается аббревиатурой *Е* и далее строчной буквой, похожей на *б*. Такая подпись не свойственна княгине Мещерской, подписывающей другие известные нам документы как Авдотья. *Е* могло бы обозначать Евдокию, но все же чистота научного подхода вынуждает нас пока рассматривать эту версию как возможную, но недоказанную, гипотезу, добавляя таким образом еще одну

¹³ Дочка Надежды Николаевны Шереметевой Пелагея Васильевна, на момент написания письма 8 лет.

тайну к загадкам предпасхального письма Пелагеи Денисовны Тютчевой к дочери Надежде Шереметевой.

Третьякова Татьяна Анатольевна,

к.и.н., директор филиала ГКУ Ярославской области «Государственный архив Ярославской области» в г. Угличе.

А.А. Тютчев, последний из рода Тютчевых владелец Знаменского.

Александр Алексеевич Тютчев - Мышкинский предводитель дворянства, выдающийся деятель мышкинского земства, инициатор и организатор многих преобразований и нововведений в Мышкинском уезде. Потомок старинного дворянского рода, Федору Ивановичу Тютчеву приходился двоюродным племянником, являясь сыном двоюродного брата поэта Алексея Николаевича Тютчева. Стечением жизненных обстоятельств Александр Алексеевич стал по мужской линии последним владельцем родового «гнезда» Тютчевых на Ярославской земле - усадьбы Знаменское, ранее располагавшейся в границах Мышкинского уезда Ярославской губернии, в настоящее время – это территория Головинского сельского поселения Угличского района Ярославской области.

Александр Алексеевич Тютчев родился 14 марта 1845 г. в законном браке Знаменских помещиков Тютчевых — Алексея Николаевича и Анны Иосифовны (Осиповны), урожденной Бобровской. Судьба отмерила ему 60 лет земной жизни: 6 января 1906 г. он скончался в городе Мышкине от инфаркта легких. Его отпели по православному обряду в городском Успенском соборе, а 9 января 1906 г. погребли в селе Знаменском, где находилась усадьба Тютчевых, возле приходского храма.

С детства Александр проявлял способности к образованию, получая домашнее воспитание. «Испытанию в науках» (экзаменам, позволявшим вступление на государственную службу) «подвергался» в Санкт-Петербургской 3-й гимназии, где таковое испытание было признано удовлетворительным для производства по установленным правилам в 1-й классный чин. Государственная служба для Александра началась с 1 октября 1865 г. в должности младшего помощника надзирателя акцизного сбора 1-го

округа по югу России на основании Приказа Управляющего Подольско-Бессарабскими акцизными сборами. Через год, 1 сентября 1866 г., он переведен на должность старшего помощника надзирателя акцизного сбора по тому же округу. Вскоре у него начинаются проблемы со здоровьем. Он приезжает к родителям в Знаменское, но службы не бросает, причисляясь «по болезни» сверх штата к Ярославскому губернскому акцизному управлению с 12 марта 1872 г., откуда был уволен по собственному прошению с 1 июня 1873 г. С 8 ноября 1873 г. согласно собственному прошению причислен к Департаменту неокладных сборов (в должности утвержден Приказом № 16 по Министерству финансов от 24 декабря 1873 г.), откуда уволился по собственному прошению с 6 октября 1877 г. в связи с началом активной деятельности по уездным делам, поскольку уже 5 сентября 1876 г. Мышкинским земским собранием А. А. Тютчев единогласно избран в почетные мировые судьи от земства Мышкинского судебного мирового округа с последующим утверждением на должности 14 декабря 1876 г. (в качестве ремарки, замечу, что на эту должность, впоследствии, он избирался не раз — с 8 октября 1886 по 1893 г.г. и с 13 октября 1902 г. на ближайшее трёхлетие).

15 декабря 1880 г. постановлением Ярославского Губернского Земского собрания А.А. Тютчев избран на должность Непременного члена Мышкинского уездного по крестьянским делам Присутствия с утверждением в должности 17 января 1881 г. Три года А. А. Тютчеву приходилось решать проблемы крестьянских земельных выкупов, земельных наделов, земельно-имущественных разделов и прочее.

С 9 декабря 1883 г. распоряжением Министра Внутренних Дел он уволен от должности Непременного члена по собственному прошению в связи с выборами на должность председателя Мышкинской уездной Земской Управы по решению Мышкинского уездного Земского собрания от 25 ноября 1883 г. (в должности утверждению соответствующими учреждениями 17 декабря того же года). Регулярно переизбираясь, бессменным председателем

Мышкинской уездной Земской Управы Александр Алексеевич Тютчев был в течение последующих лет своей жизни, уйдя с этого поста в связи с ухудшением здоровья лишь 1 января 1906 г. за пять дней до смерти (!).

Одновременно с земской деятельностью он занимается делами мышкинского дворянства, будучи на соответствующих должностях. 23 января 1884 г. Мышкинским уездным Дворянским собранием А. А. Тютчев избран в кандидаты уездного предводителя дворянства с утверждением в этой должности 24 января 1884 г., что давало право на замещение предводителя дворянства в период его отсутствия или болезни. Такое и случалось с Александром Алексеевичем в течение трех лет. Периодически, ежемесячно, он исправлял должность предводителя дворянства, став впоследствии уездным предводителем дворянства с 22 января 1887 г. по решению Мышкинского уездного Дворянского собрания с утверждением в этой должности Ярославским губернатором 23 января 1887 г. Уездным предводителем дворянства А. А. Тютчев был бессменно вплоть до своей смерти, уволясь от должности по болезни лишь 1 января 1906 г.

Как Мышкинский уездный предводитель занимался не только делами местного дворянства, но и решал круг вопросов, входивших в его компетенцию, а зачастую решения были вне должности — по личным качествам А. А. Тютчева. Он понимал положение ходатайствующих и по мере сил решал их проблемы или инициировал какое-либо дело, без его председательства или членства не функционировало ни одно попечительское общество или совет.

Одним из первых дел его в качестве председателя Земской Управы и кандидата в предводители дворянства стало восстановление закрытой мышкинской земской публичной библиотеки (Опочининской). Библиотека была закрыта в 1884 г. на основании распоряжения ярославского губернатора за № 2804 от 22 сентября 1884 г. по трем причинам: 1) на открытие библиотеки в 1875 году не было «испрашивано» разрешение губернатора; 2) отсутствовал к 1880-м годам полный каталог книг; 3) не было ответственного

лица по библиотеке перед правительством (некогда занимавший этот пост Бокастов ничего не делал).

4 октября 1884 г. уездное Земское собрание постановило уполномочить А.А.Тютчева быть ответственным лицом по заведыванию библиотекой, ему же поручалось составить каталог книг, испросить на открытие библиотеки надлежащее разрешение и по исполнении всех ус^т правительством требований открыть библиотеку и заведовать ею. При этом 6 октября 1884 г. выделено от земства 50 рублей на составление и печатание каталога. Разрешение на открытие библиотеки последовало в январе 1885 года, Тютчев заведовал библиотекой до 5 октября 1885 г. (с этого числа постоянным ответственным библиотекарем был определен мышкинский нотариус К. В. Грязнов).

Александр Алексеевич Тютчев вместе с земцами-единомышленниками ратовал за развитие библиотечного дела не только в структуре библиотечных учреждений, а занимал активную позицию в вопросах распространения печатных изданий для всестороннего просвещения народа. Так, в 1898 году по предложению А. А. Тютчева и Н.Д.Поливанова в Земскую Управу выписываются журналы «Пчеловодство» и «Школьное хозяйство».

Вообще, школьный вопрос и проблемы народного образования были одними из основных для А. А. Тютчева как земского деятеля и предводителя дворянства. При нем открыты многие земские училища, в части которых он был и попечителем, к примеру, Поводневское земское училище, которое открыто именно по его ходатайству, Знаменское училище, для которого на личные средства А. А. Тютчева было выстроено отдельное особое здание (до этого училище размещалось в церковной сторожке), устроен «ночлежный приют» для учащихся, проживавших в дальних селениях. Помещение Знаменского училища считалось довольно удобным, по состоянию учебно-воспитательной части относилось к числу хороших.

Выступая на общих Земских собраниях по поводу увеличения расходов на народное образование А. А. Тютчев неоднократно повторял:

«Мышкинское земство всегда сочувственно и горячо относясь к задаче народного образования и развития народной школы, делает в этом отношении все, что по силе и средствам его». Ратовал он и об открытии ремесленных классов, за введение военной гимнастики в школах и о введении всеобщего начального образования по уезду.

В течение десятилетия (1877—1887 г.г.) А. А. Тютчев являлся членом Мышкинского уездного Училищного Совета от земства, а в последующие годы и его председателем. Как председатель Училищного Совета в 1895 году инициировал устройство при Совете склада учебных книг и письменных принадлежностей в связи с отсутствием соответствующей книжной торговли не только в уезде, «но и в ближайших городах», а ученикам необходимое достать трудно. На открытие склада Земское собрание в 1896 году разрешило выделить из бюджета 500 рублей. Тогда же А. А. Тютчев инициирует учреждение «особого училищного фонда» при Совете для помощи учителям. Причем формирование средств фонда полагалось на пожертвования и отчисления от земских сумм на содержание училищ и вознаграждение учителям. Земское собрание разрешило на это начинание выделить 300 рублей.

Александрю Алексеевичу Тютчеву приходилось заниматься вопросами не только земских училищ, но и проблемами церковно-приходских школ, оказывая содействие в их открытии, в материальной и финансовой поддержке. Сочувственное отношение мышкинского земства к нуждам церковно-приходских школ отмечалось епархиальным начальством. 9 января 1888 г. Архиепископ Ярославский и Ростовский Ионафан в письме на имя председателя Земского собрания выражал благодарность мышкинскому земству за пособие церковно-приходским школам уезда, находя его существенным по щедрости, и за сочувствие мышкинского земства к делу народного образования. С 26 мая 1897 г. А. А. Тютчев — постоянный член Мышкинского уездного отделения Епархиального Училищного Совета. За свою деятельность в развитии церковно-приходского образования Указом

Святейшего Синода от 7 августа 1902 г. за № 5998 А. А. Тютчев утвержден в звании Почетного Попечителя церковно-приходских школ Мышкинского уезда.

По поводу представления к этому званию приведем лишь одно мнение из многих: так, на заседании Мышкинского уездного отделения Епархиального Училищного Совета 7 февраля 1902 г. Благочинный 2-го округа Мышкинского уезда священник церкви села Ново-Никольского о. Андрей Преображенский выступил с речью по поводу ходатайства перед Училищным Советом при Святейшем Синоде о присвоении А. А. Тютчеву звания Почетного Попечителя. В своей речи отец Благочинный отмечал: А. А. Тютчев во все долгое время своего служения обществу и дворянству интересовался делом церковно-приходских школ, принимая его близко к сердцу. ... есть такие общественные деятели, которых одно расположение к делу дорого, одно их внимание оказывает самую существенную пользу делу. К таким-то деятелям и принадлежит г. Мышкинский предводитель дворянства. Его сочувствие церковно-приходским школам всем и каждому доказывает, что означенные школы также должны быть дороги народу, как и всякие другие... И я почтительнейше осмеливаюсь думать, что процветание церковно-приходских школ в Мышкинском уезде многим обязано А. А. Тютчеву. Александр Алексеевич, будучи руководителем Земских собраний, их вдохновителем и инициатором разных полезных начинаний, всегда старался расположить сии собрания к оказанию и материальной помощи церковно-приходским школам, так что школы сии получили от земства за время служения Александра Алексеевича до 10 000 рублей, что много значит при скромном их бюджете. В последние четыре года ежегодно, благодаря г. Тютчеву, Земские собрания ассигнуют на церковно-приходские школы по 960 рублей. С уверенностью могу утверждать, что ничего бы подобного не было, если бы не был у дел уезда г. Тютчев...

Кроме вопросов народного образования не менее важными в земской деятельности были вопросы здравоохранения. А. А. Тютчев в решении

данных проблем показал способности организатора, будучи рачительным хозяином уезда, и еще раз проявились его личные качества как человека неравнодушного, думающего о народе и его благополучии. Благодаря его хлопотам и инициативе по уезду открываются больницы, приемные покои, увеличивается сеть медицинских учреждений, подбираются кадры врачебного и фельдшерского персонала. Приведем лишь один пример: осенью 1903 года в Мышкинскую Земскую Управу обратились крестьяне села Рождествена Мышкинского уезда об учреждении в открывающемся в этом селе приемном покое одной или двух бесплатных кроватей имени мышкинского уездного предводителя дворянства А. А. Тютчева. Земское собрание на заседании 2 октября 1903 г. постановило: ...вполне сочувствуя ходатайству крестьян об учреждении бесплатных кроватей, учредить в названном приемном покое имени мышкинского уездного предводителя дворянства А. А. Тютчева две бесплатные кровати для населения тех волостей, которые принимали материальное участие в устройстве здания для приемного покоя...

В каких только комиссиях за время службы не приходилось работать А. А. Тютчеву помимо основной деятельности. Например, с 11 по 22 февраля 1889 г. он участвовал в совещании по обсуждению проекта мер к поддержанию сельскохозяйственного винокурения, приглашенный как представитель от Мышкинского уезда по распоряжению Министра финансов. В 1905 году А. А. Тютчев — член мышкинской уездной комиссии по делам о выборах в Государственную думу...

За время службы, конечно же, были и награды, и поощрения, и повышение в чинах. В первый классный чин (XIV класс по Табели о рангах) коллежского регистратора со старшинством А. А. Тютчев произведен с 1 октября 1867 г. указом Правительствующего Сената по Департаменту герольдий с формулировкой «за выслугу лет»; с 1 октября 1870 г. повышение в чине до XII класса по Табели о рангах — в губернские секретари со старшинством, также за выслугу лет. Далее — с 27 мая 1875 г. производство

за выслугу лет в коллежские секретари со старшинством, а с 8 сентября 1881 г. Александр Алексеевич Тютчев в чине титулярного советника (производство со старшинством за выслугу лет). С 30 августа 1890 г. по всеподданнейшему докладу Министерства внутренних дел А. А. Тютчеву за отлично-усердную службу Государь Император соизволил пожаловать чин коллежского советника. Далее следует утверждение в чине статского советника со старшинством с 23 января 1896 г. и заканчивался послужной список мышкинского предводителя чином действительного статского советника, Высочайше утвержденным «за отличие» с 6 декабря 1901 г. (гражданский чин действительного статского советника относился к высшему IV классу по Табели о рангах, соответствовал военному чину генерал-майора и военно-морскому чину контр-адмирала).

Четыре ордена и три медали — таков наградной ряд А. А. Тютчева. Ордена: Св. Станислава 2-й степени (Всемиловнейше пожалован 6 декабря 1895 г.); Св. Владимира 4-й степени (получен 22 сентября 1896 г. «за усердное и беспорочное служение по выборам дворянства узаконенных сроков»); Св. Владимира 3-й степени (Всемиловнейшее награждён 6 декабря 1897 г. «за отлично-усердную и ревностную службу»); Св. Станислава I степени (получен 6 декабря 1903 г. по Высочайшему указу по гражданскому ведомству за № 91-м). Медали: Императора Александра II (за труды по освобождению крестьян от крепостной зависимости); в память царствования Императора Александра III и, третья, за труды по Всероссийской переписи населения 1897-го года.

Отпусков по службе было немного, и те краткосрочные, в основном по болезни. Лишь единожды (!) А. А. Тютчев находился в длительном отпуске за границей (зима-весна 1873 года).

Семейство А.А. Тютчева:

А. А. Тютчев женился в годах немолодых, будучи 46-летним мужчиной в чинах и при положении в обществе, но его невестой стала девушка простого происхождения – Васса Евсеевна Малинина. Она была дочерью

экономки, долгие годы служившей у Тютчевых в Знаменском. Брак Александра Алексеевича Тютчева с Вассой Евсеевной Малининой венчан 14 июня 1891 г., невесте едва исполнилось 17 лет (она родилась 8 марта 1874 г.). В браке родилось четверо детей:

- Екатерина Александровна (21 марта 1892 г. - ...), крещена 25 марта того же года в Успенском соборе города Мышкина. Восприемниками при крещении были действительный статский советник Сергей Николаевич Тютчев и потомственная почетная гражданка Екатерина Ивановна Чистова. В замужестве – Мануилова, якобы уезжала за границу и вернулась только в 1957 г.,

- Александр Александрович (18 февраля 1900 г. - ...1941 г.), крещен 5 марта того же года в Успенском соборе города Мышкина. Восприемниками стали надворный советник Сергей Павлович Максимович и Агриппина Васильевна Михалкова, супруга предводителя ярославского губернского дворянства. Причем при крещении находились мышкинский судебный следователь коллежский секретарь Леонид Андреевич Балашов и дочь Тютчевых Екатерина Александровна.

Чекист, военный, погиб в 1941 г. В 1920-1930-е гг. проживал в Одессе. Жена Александра Александровича Тютчева - Софья Львовна, их сын – Игорь Александрович Тютчев, рожденный 20 июля 1937 г. (кадровый военный, в 2003 г. капитан 1-го ранга в отставке, проживал в Москве), сын его – Константин Игоревич Тютчев.

- Татьяна Александровна (8 июня 1902 г. – 15 февраля 1992 г.), крещена 18 июня того же года в церкви села Знаменского, восприемниками стали старшая сестра новорожденной Екатерина, мышкинская помещица Анна Дормидонтовна Максимович и гофмейстер Его Императорского Величества, тайный советник, Ярославский губернатор Борис Владимирович Штюмер.

Погребена, предположительно, в с. Троицком Московской области, где проживала в последние годы жизни и работала в психиатрической больнице.

Татьяна Александровна Тютчева - пансионерка Смольного института, выпускница торгово-промышленной школы; в 1920-е годы работница завода «Андре-Марти» в г. Николаеве, химкомбината в г. Одессе; в 1930-е годы работала в плановом отделе цементного завода «Пролетарий» в г. Новороссийске, затем в новороссийском порту; с середины 1930-х годов – экономист Любучанского завода в Подмоскovie на станции Столбовой; с началом Великой Отечественной войны – сотрудница больницы в селе Троицком под Москвой, куда переехала на жительство вместе с матерью Вассой Евсеевной и племянниками, детьми младшего брата Николая; с 1950-х годов и до 1972 года - медицинская сестра и логопед психиатрической больницы в том же селе Троицком Чеховского района Московской области. Была замужем, брак в 1935 г. в г. Новороссийске, брак неудачный, развелась, детей не имела. Она писала стихи, увлекалась театром и спортом, но главным в её жизни была семья – мать Васса Евсеевна, братья и племянники, которым, не имея своих детей, она отдавала всю любовь и заботу.

- Николай Александрович (11 октября 1906 г., Знаменское – 1985 г., Москва), крещен 17 октября того же года, в восприемники записали брата новорожденного, Александра, и тетку Ольгу Александровну Тютчеву, жену дяди Петра Алексеевича Тютчева, что приходился умершему Александру Алексеевичу родным братом.

Четвертый ребенок Тютчевых появился на свет уже у вдовы Тютчевой (10 апреля 1914 г. вдова действительного статского советника Васса Евсеевна Тютчева обратилась с прошением в Ярославское Губернское Дворянское собрание о причислении к роду Тютчевых по Ярославской губернии ее законнорожденного сына Николая Александровича Тютчева. Свидетельство о причислении выдано 14 мая 1914 г., и Николай стал последним, официально учтенным, дворянином Тютчевым среди ярославского дворянства).

Николай Александрович Тютчев - судостроитель, последнее место работы – старший инженер отдела Наркомата тяжелого машиностроения в

Москве. Репрессирован как враг народа (постановления Особого Совещания при НКВД СССР от 10 сентября 1941 г., Особого Совещания при МГБ СССР от 25 июня 1949 г. и 21 ноября 1951 г.), отсидел 14 лет - сначала восемь лет в Актюбинске, затем в Красноярском крае. Реабилитирован в 6 декабря 1955 г., освобожден. Вернулся в Москву. Брак в 1933 г. Жена – Лидия Степановна, работала в Москве на парфюмерной фабрике. Их дети: Юрий Николаевич (...- после 2008 г.), Николай Николаевич (...- 1950-е гг.), Евгений Николаевич (?).

Юрий Николаевич Тютчев был инженером на разных предприятиях в Москве. Жена его – ...Александровна (урожденная Стенникова), врач «Скорой помощи». У Юрия Николаевича сын Юрий Юрьевич Тютчев (ок. 1972 г.р. -..., правнук мышкинского предводителя дворянства, последнего владельца Знаменского, Александра Алексеевича Тютчева, по сведениям на 2005 г. проживал в Москве и занимался программированием)...

Известно, что потомки А.А. Тютчева между собой не общаются...

Источники

(на базе которых составлен текст):

1. Филиал государственного казенного учреждения Ярославской области «Государственный архив Ярославской области» в городе Угличе (далее УгФ ГАЯО). Ф.82. Оп.1. Д.10. Л.л. 5 - 18 (формулярный список о службе А.А. Тютчева)
2. УгФ ГАЯО. Ф.116. Оп.1. Д.6. Л.37, 66-67
3. Журнал чрезвычайного Мышкинского уездного земского собрания. Заседания 1903 года. - Ярославль, 1904. - С. 141
4. Очерк деятельности Мышкинского земства по народному образованию. 1865 – 1900 гг. / Сост. К.Е. Ливанов. - Ярославль, 1904
5. Кацкая летопись. – № 4 (156). – 2010. – С.13
6. Кацкая летопись. – № 2 (158). – 2011. – С.12 - 14

Калиниченко Александр Леонидович,
член Союза писателей России,
заслуженный работник культуры Российской Федерации

«Умирая, прощаюсь с мыслью о вас...».

Малоизвестные факты из жизни дочерей полковника Ф.Ф. Тютчева

Тема родословной Ф.И. Тютчева¹⁴ всесторонне изучена, но в тени оставались отдельные стороны биографий его наследников по линии Фёдора Фёдоровича Тютчева: внучек поэта Елены и Надежды, рождённых в браке его сына с Марией Николаевной Панковой (1860–1889). Как свидетельствуют архивные документы, на долю сестёр выпало не мало жизненных трудностей. Они пережили революционные потрясения начала XX в., стали свидетелями и участниками двух мировых войн, испытали на себе ужас насилия над людьми в период политических репрессий 1930-х гг.

В ходе исследования уточнены даты жизни Елены Фёдоровны (1884–1962) и Надежды Фёдоровны (1886–1968) Тютчевых, обнаружено место их захоронения на Богословском кладбище г. Санкт-Петербурга (участок № 21, ряд 69, место 3)¹⁵; прояснились подробности трудовой деятельности сестёр.

Дочери Ф.Ф. Тютчева входили в семейный круг людей, повлиявших на жизнь и творчество писателя, посвятивший несколько произведений своим родным и близким. Прежде всего, речь идёт о романе «Кто прав?»¹⁶, где автор анализирует первый опыт своей семейной жизни. Тютчев признавался, что стал дорожить теплом семейного очага лишь после трагической смерти (от чахотки – авт.) жены, Марии Николаевны, скончавшейся 10 марта 1889 г.

¹⁴ Тютчев Фёдор Иванович (1803–1873) – поэт-мыслитель, представитель золотого века русской поэзии, дипломат, публицист, политический деятель, переводчик, член-корреспондент Петербургской Академии Наук с 1857 г., камергер при дворе русского императора, председатель Комитета иностранной цензуры при Министерстве иностранных дел, тайный советник. Им написано более 400 стихотворений, посвященные разным темам философской, политической, любовной лирики, природы и другим направленностям творчества. Состоял в браке с Элеонорой Фёдоровной Тютчевой, Эрнестиной Пфедфель, гражданском браке с Еленой Александровной Денисьевой. Дети Ф.И. Тютчева: Анна, Дарья, Екатерина, Мария, Дмитрий, Иван, Елена, Фёдор, Николай.

¹⁵ Справка СПб ГУП «Ритуальные услуги» № 1679 от 26.09.2018 г.

¹⁶ Кто прав? Из одной биографии : Роман / [Соч.] Ф. Ф. Тютчева ; СПб. : изд. кн. склада «Родина», 1893. 322 с.

в городе Ченстохове¹⁷, где Фёдор Фёдорович проходил службу в пограничной бригаде. Он, мучимый угрызениями моральной ответственности, чувствуя и себя причиной смерти горячо любимой жены, в память о ней, чтобы заглушить крик собственной совести, приступил к работе на автобиографическом материале над психологическим романом «Кто прав?». В сочинении внимание читателя сосредоточено на внутреннем мире литературных героев, двух близких людей: Фёдора Фёдоровича Чуева и его жены – Мэри (Мани – авт.), прообразом которой стала Мария Николаевна Тютчева (Панкова).

Произведение по остроте постановки нравственных проблем несколько не уступает, а, может быть, превосходит многие современные философские сочинения на семейно-этическую тему. Сюжет, прежде всего, притягивает живостью повествования и выпуклостью описания подробностей быта героев, уже давно исчезнувшего, а главное – глубиной их переживания. Мастерство писателя в том, что события именно сопереживаются читателями, а не изучаются ими, как бы со стороны. Философичен образ «раскаивающегося человека»¹⁸ Чуева, осознавшего собственную вину в смерти жены, сожалеющего о содеянном, невольно признавая то, что он мог бы поступить и по-другому, заботясь о здоровье Марии Николаевны. В сознании главного героя не наступило покаяния – твёрдой решимости оставить грех, бороться с ним, переменить жизнь. Автор справедливо подводит к выводу, что семья любит терпеливых, с эгоистами она расправляется, и порой очень жестоко. Роман по-прежнему злободневен, поучителен для нынешней молодёжи. Особенно привлекательны философские суждения автора на тему семейно-нравственных отношений в офицерских семьях в подразделениях ОКПС, имеющие продолжение в дне сегодняшнем, заслуживающие изучения и анализа.

¹⁷ РГВИА. Ф.409. Оп.1. ПС № 149-875(1913).

¹⁸ Раскаявшийся человек – сознающий свою вину, сожалеющий о совершённом проступке.

В тридцать лет Фёдор Фёдорович Тютчев, после шести лет семейной жизни, вдруг остался вдовцом с малолетними детьми на руках: 6-летней Еленой и 4-летней Надеждой. Дочери очень нуждались в отеческой любви и заботе, но Фёдор Фёдорович, по причине своей занятости на военной службе, был вынужден определить своих любимых деток на попечение и под присмотр родственникам в Петербурге. После женитьбы на Анне Александровне Абросимовой, Тютчев вовсе уехал на Кавказ на границу с Персией¹⁹, что лишило его возможности общения со своими любимыми девочками в течение семи лет. Уважительной причиной длительной разлуки Фёдора Фёдоровича с родными стали Русско-японская 1904–1905 гг. и Первая мировая 1914–1918 гг. войны²⁰, где офицер около пяти лет храбро сражался с врагом «за веру, царя и Отечество!». Он в непростой семейной ситуации вынужден был обратиться к своим влиятельным товарищам, которые помогли ему определить детей на обучение и воспитание в Ксенинский институт²¹, куда принимались на казённый счёт сироты и полу сироты потомственных и личных дворян, недостаточного состояния генералов, офицеров и соответствующих им гражданских чинов «не имеющих к их содержанию необходимых средств». Дети дворян, не состоящих на службе, зачислялись только стипендиатками или за плату. Комплект был определён в 175 казённых пенсионерок и 175 учениц с платой 250 рублей в год, которую нередко вносили благотворители. 300 учениц старше 10 лет помещались в самом институте, а 50 (8–10 лет) — в малолетнем отделении Николаевского сиротского института. При поступлении необходимо было знать основные молитвы, уметь читать и писать по-русски и по-французски или по-немецки. Единый 7-летний курс

¹⁹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173974 (послужной список) Ф.Ф. Тютчева).

²⁰ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173974 (послужной список) Ф.Ф. Тютчева).

²¹ Ксенинский институт – женское учебно-воспитательное заведение, состоящее в Ведомстве учреждений императрицы Марии. Образован указом императора Александра III от 25 июля 1894 г. в ознаменование бракосочетания его дочери вел. кнг. Ксении Александровны. Размещался во дворце и служебных корпусах усадьбы вел. кн. Николая Николаевича-старшего на Благовещенской пл. (ныне пл. Труда, 4). Помещения были приспособлены для института архитектором Р.А. Гедике. Торжественно открыт 25 марта 1895 г. в присутствии императора Николая II, который подарил институтскому храму во имя Божией Матери «Всех скорбящих радости» ризницу из покрыва на гроб отца.

был общим для институтов Ведомства учреждений, курируемых императрицей Марией. Кроме того, девушки проходили 3-летний специальный профессиональный курс – им преподавались «сведения, которые делают женщину полезной в собственной семье или дают неосчастливленному семейной жизнью честный заработок».

Последним почётным опекуном института был шталмейстер²² А.А. Трубников, начальницей – княгиня Е.А. Голицына. После Октябрьской революции 1917 г. часть учениц разъехались по домам. В 1918 г. оставшихся девочек перевели в здание Николаевского сиротского института, на набережной Мойки, 48. Здание Ксенинского института было занято профсоюзными организациями и получило наименование «Дворец труда».

Дочери, получив хорошее образование, всячески помогали отцу в его литературном труде. Так, Надежда Фёдоровна успешно представляла авторские интересы Фёдора Фёдоровича в различных периодических изданиях, с которыми он сотрудничал. Кроме того, она оформляла рукописи, присланные отцом с границы для редакций, оперативно перепечатывая их на машинке, являясь первым редактором и читателем его сочинений: «Роман этот был с рукописи перепечатан мной и начат печататься в «Военном сборнике» весной 1914 года»²³ (роман «Финал или увертюра» – авт.).

Фёдор Фёдорович всячески доверял младшей дочери решать различные литературные вопросы, вести от его имени переговоры с главными редакторами изданий. Подобное плодотворное сотрудничество подтверждает переписка Тютчева с главным редактором столичного издания Б.Б. Глинским: «Милостивый государь, глубокоуважаемый Борис Борисович! Рукопись и письмо передаст вам моя дочь Надя, с которой вы немного

²² Шталмейстер – придворный чин в дореволюционной России, заведовавший царскими конюшнями.

²³ Финал или увертюра? (От поражений к бунту. Авт.) : Роман (рукопись) // РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. 1911 г. Ед. хр. 195.

знакомы. Прошу, будьте добры, выслушать её и сообщить ей ваше решение по поводу вопроса о помещении рассказа»²⁴.

Ф.Ф. Тютчев, обращаясь к главному редактору журнала «Современник» Е.А. Ляцкому²⁵, характеризуя Надежду Фёдоровну, замечал: «Моим доверенным лицом я выбираю Надю, которой поручаю во всём слепо Вам повиноваться, всем Вашим указаниям.

На эти мои вопросы, если сообразоволено ответить, то сообщите Наде. Я ей даю полный *carte blanche*»²⁶.

Ему же Тютчев 4 февраля 1914 г. напоминает: «Дочь моя Надежда Фёдоровна, конечно, слепо будет следовать всеми вашим указаниям, о которых я Вас покорнейше прошу.

P.S. О делах предполагаемого издания я не распространяюсь, ибо об этом обо всём с Вами переговорит Надежда Фёдоровна»²⁷.

Надежда Фёдоровна оставила содержательный очерк о своём отце Ф.Ф. Тютчеве, пояснив почитателям его таланта многие эпизоды из его биографии, раскрыв отдельные черты характера родного и близкого человека. К примеру, она гордилась отношением к полковнику Тютчеву сослуживцев: «Настоящие военные начальники, с которыми ему приходилось сталкиваться во время войны, его ценили и уважали за его храбрость, товарищеские отношения скромность и живой ум».

Ф.Ф. Тютчев был женат дважды: в 1881 г. – в первом браке на Марии Николаевне Панковой, рождённой 1 апреля 1860 г.; в 1893 г. – во втором браке на Анне Александровне Абросимовой (ласково называл «Нюся» – авт.), рождённой в 1873 г. Разница в возрасте между ними была 13 лет. О взаимоотношениях отца с Анной Александровной в совместной их жизни Надежда Фёдоровна писала: «Он не был особенно счастлив во второй своей женитьбе. Жена его была женщина в высшей степени эгоистичная,

²⁴ Письмо к Глинскому, Борису Борисовичу. РГАЛИ, Ф. 163, Оп. 1, Ед. хр. 285. Крайние даты 15. XII. 1911.

²⁵ ИРЛИ Ф.163. Оп.2 Ед.хр.512. Архив Е.А. Ляцкого.

²⁶ *Carte blanche* — франц. (карт бланш – чистый лист, скреплённый печатью).

²⁷ ИРЛИ Ф.163. Оп.2 Ед.хр.512. Архив Е.А. Ляцкого.

отличалась необщительным, мелко расчётливым, доходящего до скупости характером, являясь полной противоположностью ему самому, недостаточно оценила его, но обладая недюжинным умом, сумела внушить к себе любовь со стороны отца настолько сильную, что видя все её недостатки и, зачастую страдая от них, он забывал себя совершенно, заботясь только о том, чтобы ей было хорошо и спокойно»²⁸.

Сёстры поддерживали Фёдора Фёдоровича, зная скверный характер мачехи. Они Надежда Фёдоровна во многих жизненных вопросах выражали своё отрицательное отношение к Анне Александровне. Так, Надежда Фёдоровна в своём прошении о назначении ей пенсии после смерти отца в марте 1916 г. записала: «После отца осталась вторая жена и рассчитывать на её помощь я не могу. Причитавшуюся мне эмеритуру и пенсию, в случае назначения таковой, прошу выдавать мне отдельно от второй жены моего отца»²⁹.

Дети Фёдора Фёдоровича бескорыстно передали многие семейные реликвии Тютчевых в музеи и архивы городов Москвы (РГАЛИ), Санкт-Петербурга (Литературный музей Пушкинского дома) и Брянской области (мемориальный музей в с. Овстуг). Среди раритетов редкие фотографии, на которых изображён офицер Ф.Ф. Тютчев на Русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой 1914–1918 гг. войнах. Благодаря их заботе сохранились рукопись романа «Финал или увертюра» и два альбома с вырезками произведений Ф.Ф. Тютчева – очерки с Русско-японской войны 1904-1905 гг. и роман «На границе». Тютчевскую коллекцию материалов Пушкинского дома пополнил «автограф деда и несколько портретов, в том числе нашей бабушки, Е.А. Денисьевой», за что сёстры получили благодарность от администрации Пушкинского дома и юбилейную медаль «Ф.И. Тютчев. 125 лет». С их участием перешло на хранение в запасники Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге

²⁸ Тютчева, Н.Ф. Биографический очерк об отце — Ф. Ф. Тютчеве / Н.Ф. Тютчева // РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 198. Крайняя дата: после 1935 г.

²⁹ РГВИА Ф. 400. Оп. 17. Д. 2953. Прощение о назначении пенсии в марте 1916 г.

оружие, шашка³⁰, принадлежавшее полковнику отдельного Корпуса пограничной стражи Российской империи Ф.Ф. Тютчеву. Имеющиеся документы свидетельствуют, что экспонат попал в музей с военного склада № 75 Ленинградского военного округа. Вероятней всего, что шашку, как и квартиру сестёр Тютчевых в городе Санкт-Петербурге на улице Кирочной, 43, кв. 34³¹ у них реквизируют в 1935 г., как у «бывших людей»³², отправленных в ссылку в город Астрахань.

Историческую ценность, как свидетельство эпохи, представляют письма Надежды Фёдоровны, хранящиеся в РГАЛИ, с просьбой о реабилитации своей сестры Елены, которая, как пишет автор, «по несчастной для себя случайности и в силу того обстоятельства, что она носит не фамилию нашего деда и отца, а фамилию своего мужа – А.С. Гирса, попала в разряд тех несчастных, которые были в 1935 году выселены из г. Ленинграда, искупая чью-то вину»³³.

Первое послание о помиловании, пребывая в Астраханской ссылке вместе с сестрой, она адресовала лично к т. Сталину. Ответ на свой запрос Надежда Фёдоровна получила за подписью прокурора г. Ленинграда: «Посланное в ЦК ВКП по делу Вашей сестры Е.Ф. Гирс, высланной из Ленинграда по операции «бывших людей», оставлено без последствий». Настойчивая Надежда Фёдоровна вторично написала в 1938 г. известному в стране литератору Алексею Николаевичу Толстому, возглавлявшему в тот период на временной основе Союз писателей СССР (1936–1938), в котором она возложила «все свои последние надежды» на реабилитацию своей сестры

³⁰ Инв. № 117/683. кн. № 18057.

³¹ Кирочная улица (с 1998 и с 1826 по 1932; с 1932 по 1998 гг. – улица Салтыкова-Щедрина; в XVIII в. – 4-я Артиллерийская линия, 4-я Артиллерийская улица) — улица в Санкт-Петербурге, проходящая от Литейного проспекта до Новгородской улицы. Нумерация домов ведётся от Литейного проспекта. Проложена в первой половине XVIII в. на территории бывшей Литейной (Артиллерийской) слободы (отсюда и первоначальное название — 4-я Артиллерийская линия, 4-я Артиллерийская улица). Название Кирочная улица произошло от лютеранской кирхи (дом 8 по современной нумерации — лютеранская церковь Святой Анны (Анненкирхе) (здание церкви сильно пострадало при пожаре 2002 г.). В 1932 г. улица была переименована в честь М. Е. Салтыкова-Щедрина, а в 1998 г. ей возвратили прежнее название Кирочная.

³² «Бывшие люди» — потерявшие свой социальный статус после Октябрьской революции 1917 г.: аристократия, офицеры царской армии, бюрократия, духовенство, купечество, зажиточное крестьянство. В 1930-х гг. тысячи «бывших людей» были расстреляны, сосланы.

³³ РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 198. Крайняя дата: после 1935 г.

Елены. К сожалению, обращение в Союз писателей СССР осталось без реализации.

Сёстры Тютчевы воспитывались на семейной гармонии, в обстановке взаимоуважения, взаимопонимания, доверительности и искренности, в готовности помочь близкому человеку. В трудные периоды жизни они были рядом, дорожили дружбой и крепкими родственными связями, сохранявшимися на протяжении всей их жизни.

Елена Фёдоровна Гирс (Тютчева) родилась 5 апреля 1884 г. в Санкт-Петербурге. Окончила институт имени принца Ольденбургского (1897–1907) — по профессии учителя. В 1907 г. вышла замуж за поручика пограничной стражи (ОКПС) Александра Сергеевича Гирса³⁴. С началом Первой мировой войны в возрасте тридцати лет Елена Фёдоровна, по примеру мужа и отца, отправилась на фронт защищать Отечество. В течение трёх лет (1914–1917) она была сестрой милосердия Красного Креста, помогала раненым офицерам и солдатам передовых подразделений 8-й Армии³⁵. На её попечении находилась воспитанница с внуком³⁶. Проживала Елена Фёдоровна в Санкт-Петербурге с родственницей мужа Марианной Александровной Гирс по адресу: ул. Кирочная, 43, кв. 28.

Занимательно, что Елена Фёдоровна в роман-хронике Дмитрия Левоневского «Будни Петроградской ЧК»³⁷ представлена автором «пособником белогвардейской агентуры в тревожные дни летнего наступления на Петроград в июне-июле 1919 г.». О Елене Гирс, «красивой женщине с недобрым взглядом, любовнице капитана Григорьева»,

³⁴ Гирс Александр Сергеевич (1878–1931) – окончил Николаевский кадетский корпус (5 кл.), Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище по 2-му разряду. Штабс-капитан (ВП ОКПС 24.01.1915). Старший помощник командира учебного отряда Ломжинской бригады пограничной стражи (1911–1912). Отрядной офицер 19-й пограничной Волочической бригады (1913 – 1914). Воевал в составе той же бригады (1914 – 1915). Помощник старшего адъютанта отдела дежурного генерала штаба 8-й армии, с зачислением по армейской пехоте (24.01.191). Участие в военных действиях: Русско-японская война 1904–1905 гг., Первая мировая война 1914–1918 гг. Награждён за отличие в делах против неприятеля орденами: Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (1915); Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1915). Отец: Сергей Александрович Гирс (1853–1906) учился в Царскосельском лицее, офицером служил в конной гвардии. Мать: Екатерина Сергеевна Марина.

³⁵ В составе 8-й армии были развёрнуты: 6 полевых подвижных госпиталей № 355–358, 367 и 368; 10 запасных госпиталей № 121, 122, 129–131, 134–138; 2 военно-санитарных транспорта № 38, 39.

³⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1447. С. 311.

³⁷ Дмитрий Левоневский, «Будни Петроградской ЧК» стр.416. Л., Советский писатель. 1985. С. 208.

Левоневский пишет: «Строгий очерк бровей, еле заметная складка у красивого рта напоминали улыбку Джоконды, неуловимо таинственную и вместе с тем самую обыкновенную. Таких женщин в шикарных шляпах ещё в восемнадцатом году можно было встретить на Невском. Замечена в связях с германской миссией, посещала квартиры иностранных поданных»³⁸.

Писатель представляет Е.Ф. Гирс сотрудником, имевшим допуск к секретным сведениям, что допускалось по занимаемой ей должности, «была осведомлённым человеком в дипломатических кругах, она приносила сведения разведывательного характера, говорили, что у неё дальний родственник мужа А.А. Гирс – бывший русский посол в Константинополе»³⁹.

Вероятно что работа переводчиком на секретной работе в Ярославском отделении Военного контроля⁴⁰, а также замужество за «белым офицером» послужили причинами того, что Елена Фёдоровна оказалась в марте 1935 г. в списке «бывших людей» и «была выслана из Ленинграда с воспитанницей и её сыном в Астрахань на 5 лет»⁴¹. Сестра Надежда, чтобы восстановить справедливость, доказать ошибочность происшедшего с , Еленой Фёдоровной писала А.Н. Толстому: «В марте началось выселение из Ленинграда и моя сестра, точно такая же внучка Тютчева, но носящая фамилию своего покойного мужа (он умер в 1931 году) была причислены к разряду «бывших людей» и выслана в город Астрахань сроком на пять лет. В постановлении о её высылке сказано: «Е.Ф. Гирс – дворянка – подлежит высылке в г. Астрахань сроком на 5 лет» и больше ничего. У неё, как и у всех высылаемых, был отобран паспорт». Младшая сестра поддержала родного

³⁸ Там же. С. 233.

³⁹ Александр Александрович Гирс (1850–1923). Дипломат, литератор, историк, советник при Министерстве иностранных дел. Личный фонд его документов хранится в Госархиве РФ (фонд No 892, опись No 1). Состоял на дипломатической службе. В 1889 –1898 гг. – российский консул в Яссах. В 1912–1915 гг. – посланник в Черногории. Посол в Турции до 1917 г. 1850-1923), консул в Триесте (1887 г.), в Румынии (1889 г.), Каннах (1899 г.), Бушире (1901 г.), Салониках (1902 г.), член партии «Союз 17 октября». Жена – Левицкая Прасковья Сергеевна, (4.10.1852 г. – 10.6.1898).

⁴⁰ Военный контроль был создан 30 мая 1918 г. в виде отделения Оперативного отдела [Народного комиссариата по военным и морским делам РСФСР](#). В его структуру входили отделы при штабах армий и фронтов, а также отделения по борьбе со шпионажем. С октября 1918 г. в его ведение перешла военная цензура. Органы Военного контроля занимались мониторингом охраны учреждений военного имущества, вели регистрацию бывших офицеров и военных специалистов, а также разведку в тылу белогвардейцев.

⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1447. С. 311.

человека в трудный период её жизни, отправившись вместе с ней в ссылку, ведь без паспорта невозможно было устроиться на работу, а значит лишиться средств к существованию.

До 1935 г. Елена Фёдоровна работала машинисткой в правлении Китайской железной дороги, в Комиссариате (земледелия) социального обеспечения, в Петроградской эвакуационной комиссии, на Госипподре, в товариществе «Строительное дело», тресте «Ленинградстрой». Находясь в ссылке в Астраханской области, исполняла обязанности специалиста в секретном делопроизводстве агентства «Сталинградский Росснабсбыт». В период эвакуации с 1942 по 1946 гг. – занимала должность машинистки на консервном заводе села Харабали Астраханской области. В 1950-х гг. Елена Фёдоровна служила научно-техническим сотрудником в Институте этнографии и антропологии АН СССР (МАЭ РАН) (с 1947)⁴².

Тютчева Елена Фёдоровна постоянно была прописана по адресу: г. Санкт-Петербург, ул. Салтыкова-Щедрина (ныне Кировная) дом. 43 «в» кв. 11. С 5-го ноября 1946 г. она прибыла на адрес из Астраханской области. Выписана⁴³ по смерти 9-го августа 1962 г.

Надежда Фёдоровна Тютчева родилась 10 июля 1886 г. в Санкт-Петербурге. В 1907 г. окончила институт имени принца Ольденбургского – по профессии учитель. С 1908 по 1918 гг. работала машинисткой в Государственной Думе. С 1918 г. в разных государственных учреждениях – машинисткой, делопроизводителем, статистиком (на рабфаке Ленинградского технологического института – авт.). С апреля 1934 г. по март 1935 г. машинисткой в 7-м отделении Ленинградской городской милиции. С 1935 г. по 1940 г. в Астраханском отделе Транссбыта машинисткой. После возвращения в Ленинград в 1940 г. трудилась в Институте антропологии и этнографии АН СССР (ИАЭ АН СССР (МАЭ РАН) (с 1947). Во время эвакуации с 1942 по 1946 гг. на консервном заводе в селе Харабали

⁴² ИАЭ АН СССР (МАЭ РАН) (с 1947) Ф. 142. Оп. 005. Д. 566. Тютчева Елена Фёдоровна, научно-технический сотрудник. Личное дело.

⁴³ Основание: СПб. Арх. домовые кн.: № 2 стр. 270; № 3 стр. 553.

Астраханской области машинисткой и последние два года секретарём заводоуправления. В октябре 1946 г. вернулась в родной город Ленинград.

С 1 июня 1947 г. Надежда Фёдоровна продолжила работать в институте Этнографии АН СССР научно-техническим сотрудником. В 1953 г. уволена «согласно личной просьбы».

Тютчева Надежда Фёдоровна была прописана по адресу: г. Санкт-Петербург. ул. Салтыкова-Щедрина (ныне Кирочная) дом. 43 «в» кв. 11 с 15.01.1941 г. Выбыла 06.02.1941 г. в Астраханскую область. Вновь постоянно была прописана с 05.11.1946 г. (прибыла из Астраханской обл.). Выписана 04.01.1968 г. по адресу: ул. Строителей дом 9, кв. 181⁴⁴.

Умерла Надежда Фёдоровна Тютчева 10 апреля 1968 г. (81 год), похоронена на Богословском кладбище Санкт-Петербурга.

Многое в её жизни доставалось с большим трудом благодаря своему трудолюбию и огромным усилиями воли. Она, не отличаясь крепким здоровьем, страдала некоторыми тяжкими заболеваниями: «Значительным малокровием, резким упадком питания на почве хронического катара⁴⁵ верхушек легких (притупление, вдох, мелкие хрипы в пр. верхушке, порой кровохарканье); часто обостряющимися явлениями мочекишечного диатеза (опухание и боли суставов, отклонение от норм в составе мочи); вялостью кишечника и постоянными запорами»⁴⁶. В виду всех этих явлений трудоспособность Тютчевой была значительно ограничена в силу часто появляющихся обострений и необходимости прибегать к лечебным мероприятиям. В 1916 г. после смерти Ф.Ф. Тютчева по заключению врачебного Присутствия «по своему тяжкому и неизлечимому болезненному состоянию лишена возможности личным трудом добывать себе средства к

⁴⁴ Основание: СПб. Арх. домовые кн.: № 2 С. 268, 270; № 3 С. 553.

⁴⁵ Катар – различные формы и степени воспаления слизистых оболочек, выстилающие многие органы и полости тела.

⁴⁶ РГВИА Ф. 400. Оп. 17. Д. 2953. Прошение о назначении пенсии в марте 1916 г. Справка о болезни Надежды Тютчевой от 14 марта 1916 г.

жизни» ей была назначена пенсия из государственного казначейства (104 руб. 50 коп. в год – авт.).

Надежда Фёдоровна за свою долголетнюю службу в государственных учреждениях была неоднократно премирована руководством по месту работы и в Ленинграде, и в Астрахани. В 1946 г. она была награждена медалью «За доблестный труд в годы Отечественной войны 1941–1945 гг.». С августа 1946 г. Литературным Фондом СССР им с сестрой назначили персональную пенсию на деда – поэта Тютчева Фёдора Ивановича.

Таким образом, Елена Фёдоровна и Надежда Фёдоровна Тютчевы прожили достойную жизнь, не забывали и гордились талантливymi родственниками, честно служили своему Отечеству.

Сарычева Кристина Витальевна,

к.ф.н., главный научный редактор ФГБУК «Государственный музей истории
русской литературы имени В.И. Даля», преподаватель кафедры истории
русской литературы новейшего времени ФГБОУ ВО «Российский
государственный гуманитарный университет».

Статьи о Тютчеве в сборниках «Звенья» 1930-х гг.

В докладе рассматривается рецепция биографии, личности и творчества Ф.И. Тютчева в сборниках «Звенья» 1930-х гг., которые издавались под редакцией В.Д. Бонч-Бруевича в издательстве «Academia». С 1932 по 1936 г. вышло 6 выпусков, один из них сдвоенный, включавший 3–4 выпуски. В 1950–1951 гг. вышли еще два выпуска, 8 и 9, 7-й выпуск подготавливался, был сверстан, но не был издан, некоторые статьи из него были напечатаны в выпуске 8.

Сборники «Звенья» были одним из издательских проектов Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича, основателя и первого директора Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики, в 1934 г. ликвидированного и слитого с Государственным литературным музеем при ГБЛ. «Звенья» не были музейным издательским проектом: в то время как в музейных изданиях «Летописи ГЛМ» и «Бюллетени ГЛМ» публиковалось и освещалось то, что поступало в фондохранилища музея, в «Звеньях» публикуется очень много из других учреждений и из частных коллекций. После «Литературного наследства», начавшего издаваться в 1931 г., «Звенья» стали вторым в советской России изданием, где публиковались и исследовались архивные материалы. Сборники, которые предполагалось посвятить истории литературы и общественной мысли XIX века, были задуманы не позднее 1930 года, изначально под заглавием «Минувшее». Именно тогда главный редактор издания начал поиск авторов и материалов для публикации.

Имя Ф.И. Тютчева не слишком часто появлялось на страницах «Звеньев», по сравнению, например, с А.С. Пушкиным, Н.Г. Чернышевским, Н.А. Добролюбовым. Тем не менее, как мне представляется, публикации, посвященные Тютчеву в «Звеньях» показательны не только с точки зрения его рецепции в этом издании, но и в свете тенденций в литературоведении 1930-х гг. Материалы о Тютчеве мы находим в выпусках 1 (1932), 2 (1933) и 3–4 (1934) «Звеньев».

Два направления исследований, которые нашли отражение в «Звеньях», были развиты еще в посмертной критике о Тютчеве XIX в., в очерке Аксакова и символистских работах: в них рассматривалась биография поэта и его поэтическое мастерство. Большой вклад в изучение поэзии Тютчева сделал В.Я. Брюсов, который в стиховедческих работах 1890-х гг. и 1910-х гг. разбирал особенности поэтического строя стихотворений Тютчева, изначально видя в нем предшественника символистской поэзии.

Формалисты в 1920-е гг. Ю.Н. Тынянов, Л.В. Пумпянский продолжили исследования, касавшиеся жанров, строфики, метра в поэзии Тютчева. Тогда же публиковались исследования Г. Чулкова, Е.П. Казанович биографии Тютчева и К.В. Пигарева. Все три исследователя были приглашены к участию в сборниках «Звенья». Бонч-Бруевич в 1931 г. обратился к Г.И. Чулкову в письме с приглашением участвовать в сборниках, через Чулков познакомил редактора с К.В. Пигаревым.

Публикации о Тютчеве в «Звеньях» также соответствовали обозначенным двум направлениям. Так, в первом выпуске «Звеньев» была опубликована статья Е.П. Казанович, сопровождавшая новонайденные стихотворения Тютчева, одно из которых было посвящено Е.А. Денисьевой «Не раз ты слышала признание...». В статье рассматривается личность и нравственный облик Е.А. Денисьевой. Исследовательница пользуется материалами, которые публиковались в 1920-е гг. Г. Чулковым. Он посвятил этой теме статью «Любовь в жизни и лирике Ф.И. Тютчева»,

опубликованную в «Тютчевском сборнике» (1923)⁴⁷. В отличие от Чулкова, в задачи которого входило выявление новых фактов о любовных отношениях Тютчева, Казанович допускает нравственную оценку личности Денисьевой, в чьих поступках она усматривает корыстные мотивы.

Примерно в том же тематическом русле находится статья О. Пигаревой «Из семейной жизни Ф.И. Тютчева» (вып. 3–4)⁴⁸, где на основе переписки членов семьи Тютчева рассматриваются их взаимоотношения, пребывание Тютчева за границей, отношения с женами и т.д.

К другому роду публикаций относятся статьи Г. Чулкова и К.В. Пигарева. Во втором выпуске «Звеньев» были опубликованы статьи Георгия Чулкова «Стихотворения, присланные из Германии» (вопрос об отношении Пушкина к Тютчеву) и К. Пигарева «Новооткрытые стихотворения Тютчева».

В своей статье Георгий Чулков рассматривает вопрос о публикации стихотворений Тютчева в пушкинском «Современнике» в 1836 г. Он пишет о необоснованности аргументов Тынянова о неприязненном отношении Пушкина к Тютчеву и необходимости привлечь вопрос о Гете, важного для мюнхенского периода Тютчева, без которого невозможно рассматривать проблему о Пушкине и Тютчеве.

Тынянов, как известно, в своих работах о Тютчеве сформулировал концепцию литературного процесса и эволюции, которые предполагают преодоление предшествующей литературной традиции. Он показал этот процесс на уровне развития поэтической формы. В этом контексте он развивает идею о непринятии Пушкиным Тютчева.

Чулков же привлекает к исследованию свидетельства о том, что Пушкин вероятно относился к Тютчеву благосклонно. Этот вывод исследователь делает на основании того, что Пушкин «вел упорную борьбу с цензурой, защищая Тютчева, отстаивая зачеркнутые строфы, и потом

⁴⁷ Тютчевский сборник. Петроград: Былое, 1923. С. 5–33.

⁴⁸ Звенья. М.; Л.: Academia. 3–4, 1934. С. 262–288.

требовал, чтобы пропущенные строфы были по крайней мере обозначены точками, очевидно, заинтересованный в том, чтобы сохранить указание на композицию пьесы, искаженную не по вине автора», а также на основании письма Ю.Ф. Самарина к И.С. Аксакову от 22 июля 1873 г. из Мурановского архива, в котором Самарин передает со слов очевидцев, что тот «пришел в восторг», «когда он в первый раз увидел собрание рукописное его стихов, привезенное Гагариным из Мюнхена»⁴⁹.

Любопытно при этом, что несмотря на различия, оба исследователя сформулировали представления о Пушкине как о своего рода лидере русской литературы, от которого ждут решения и благословения, и о том, что Тютчев относился к какому-то более младшему поколению поэтов, наследовал Пушкину, хотя в действительности был его современником. Эти суждения тоже весьма традиционные, уходящие корнями в концепцию Некрасова из статьи «Русские второстепенные поэты» о Тютчеве и не только.

Далее Чулков полемизирует с еще одной статьей Тынянова «Тютчев и Гейне». С одной стороны, исследователь развивает идеи Тынянова, поскольку тоже отыскивает связи русского поэта с немецкой литературой. Однако в отличие от Тынянова, видит сходства с поэзией Гете, и через него — старается подтвердить близость Тютчева с Пушкиным в мировоззренческом плане.

В завершении статьи Чулков пишет, что «для Пушкина Тютчев был в значительной степени выразителем германской гетевской культуры, что и было на самом деле в те тридцатые годы». По наблюдению исследователя, с 1824 г. с Пушкиным произошел перелом, в результате которого поэт отказался от «духа французской цивилизации» и стал проявлять внимание к другим культурам, в том числе к Гете и германской культуре, и результатом этого интереса стала публикация стихотворений, присланных из Германии.

⁴⁹ Звенья. М.; Л.: Academia. 2, 1933. С. 259.

В отличие от Тынянова, который раскрывает тему с точки зрения жанрово-формальных поисков Тютчева, Чулков сравнивает русских поэтов и немецкого поэта Гете на уровне мировоззрения, а не формы.

То же относится и к противопоставлению Тютчева Пушкину, различия с которым Тынянов рассматривает на уровне литературных традиций, жанровых форм, лексики. В контексте этого анализа Тынянов привлекает предположения о том, что Пушкин неприязненно относился к Тютчеву. В то же время Чулков не говорит о формалистском контексте статей Тынянова и акцентирует биографические и текстологические сведения.

Благодаря Г.И. Чулкову Бонч-Бруевич познакомился с К.В. Пигаревым и его сестрой, О.В. Пигаревой. От них он уже в сентябре 1931 г получил статьи:

1. Неизданные письма Гоголя,
2. Из семейной жизни Ф. И. Тютчева, - принадлежащий Вашей сестре О. Пигарев ой,
3. Что переводил Тютчев.
4. Заметка И. В. Путяты об Исаковском издании Пушкина,
5. Новооткрытые тексты Тютчева.

Бонч-Бруевич писал К.В. Пигареву 28 сентября 1931 г.: «Все эти рукописи прочитаны и одобрены не только мной, но и остальными товарищами по редакции к помещению их в «Звенья». Я очень и искренне рад таким хорошим результатам, так как прямо говорю Вам, что мне весьма нравятся работы и Ваши и Вашей сестры».

В статье о новонайденных стихотворениях Тютчева, Пигарев, в отличие от Чулкова, напротив, использует терминологию формалистов. Прежде всего, его статья посвящена иностранным источникам его стихотворений. Рассуждая на эту тему, Пигарев говорит о стихотворной форме и приемах в его произведениях, о повторах, вслед за Пумпянским, и о фрагменте в лирике Тютчева. Например, примечание к стихотворению «Любезному папеньке! В сей день щастливый нежность сына...» к стиху «На

лицах вокруг себя радость узришь ты» имеет стиховедческий характер: «Строка не имеет метра. Трудно допустить, чтобы это было сделано сознательно. Если это описка переписчика, то, может быть, стих этот следует читать: «На лицах вокруг себя да радость узришь ты...»»⁵⁰.

Пигарев перечисляет излюбленные «приемы» Тютчева, напр.:

«...одинаковые приемы повторений: в первой строке повторяется одно и то же слово (в первом случае — наречие «trop» — «слишком», во втором — глагол «passe» — идет, проходит, наст.вр., ед.число, 3 лицо); во второй строке — то слово, которому в первой придано наибольшее значение (в первом случае существительное «passé» — «прошедшее»; во втором — одинаково звучащее существительное «salut» — «привет» — и глагол «salue» — «приветствует» - наст.время, ед.число, 3-е лицо). Второй прием повторения не раз встречается во французских стихотворениях Тютчева. Например:

Tout un passé de jeunesse et de vie,
Tout un passé qui ne peut s'oublier»⁵¹.

На основе использованных приемов в новонайденных стихотворениях Тютчева Пигарев делает вывод, «что новонайденное французское стихотворение весьма близко как по теме, так и по форме к другим, ранее известным, стихотворениям Тютчева»⁵².

Однако Пигарев в статье подходит и к теме мировоззрения Тютчева и его воплощению в поэзии, о страхе перед грядущим, отношении к природе как к отделенному от человека организму. Пигарев затрагивает и социальные проблемы в изображении Тютчева.

Проблема иностранных источников поэзии Тютчева была начата Пигаревым еще в статье «Тютчев — переводчик Гете» («Уrania. Тютчевский альманах», 1928) и продолжена в статье «Что переводил Тютчев», опубликованной в вып. 3–4 (1934). Статья была подана в редакцию

⁵⁰ Звенья. М.; Л.: Academia. 2, 1933. С. 269.

⁵¹ Звенья. М.; Л.: Academia. 2, 1933. С. 272.

⁵² Звенья. М.; Л.: Academia. 2, 1933. С. 273.

одновременно с предыдущей статьей, однако она отличается от нее терминологически и методологически.

В ней исследователь уже не использует формалистские термины. Он отталкивается от утверждения о взаимосвязи между психологическими состояниями, событиями из жизни поэта и тем, к каким текстам он обращался как переводчик:

«...перевод из Гейне представляет для нас двойкий интерес: во-первых, он указывает на то, что Тютчева привлекали своеобразные страницы Гейне, видимо пришедшиеся ему по душе; во-вторых, в заключительной своей части он дает нам всецело автобиографическое признание Тютчева. По нему мы можем судить о том, что свойственное зрелому Тютчеву отношение к своему творчеству было присуще ему еще в молодые годы»⁵³.

Здесь исследователь имеет в виду строки:

«Не знаю я и не ищу предвидеть
Что мне готовит Муза! Лавр поэта
Почтит иль нет мой памятник надгробной?
Поэзия душе моей была
Младенчески-божественной игрушкой,
И суд чужой меня тревожил мало».

Два перевода из Гейне Пигарев рассматривает как отражение «сложных переживаний поэта в исходе двадцатых и в начале тридцатых годов»⁵⁴.

Несмотря на то, что Пигарев по-новому ставит акценты в статье о переводах, на первый план выдвигая внелитературную реальность и ее влияние на творчество автора, однако, наблюдения Пумпянского им забыты, по всей видимости. Он сопоставляет те же пары стихотворений Тютчева, что и Пумпянский. Например: «Итак, вот уже три тютчевских перевода (не

⁵³ Звенья. М.; Л.: Academia. 3–4, 1934. С. 248.

⁵⁴ Звенья. М.; Л.: Academia. 3–4, 1934. С. 249.

считая одного утраченного), соединенных внутренней связью как друг с другом, так и с самостоятельными стихотворениями Тютчева.

Приводит пример «Глядел я, стоя над Невой...» и «Вновь твои я вижу очи...». Сравнивает со стихотворением Гете «...где мирт и лавр растет, / Глубок и чист лазурный неба свод, / Цветет лимон и апельсин златой...»⁵⁵.

Однако в отличие от предшественника, который рассматривал повторы как дублеты, как упражнение в поэтическом мастерстве и форме, Пигарев описывает их через мировоззрение и психологические состояния поэта. Несмотря на хронологическую близость двух статей Пигарева, они демонстрируют эволюцию концепции Пигарева, отражение новых, актуальных тенденции в литературоведении 1930-х гг. — отход от рассмотрения формы и внимание к психологии, биографии, мировоззрению автора.

⁵⁵ Звенья. М.; Л.: Academia. 3–4, 1934. С. 251.

Генриетта Львовна Медынцева,
заведующая сектором истории музея ФГБУК «Государственный музей
истории российской литературы имени В.И. Даля».

Место Тютчева в экспозициях Литературного музея (ГЛМ-ГМИРЛИ).

Название темы содержит в себе оба значения: и место Тютчева среди писательских собраний Литературного музея и буквально – место (витрины или стены), отведённое ему в экспозициях.

Меня всегда особенно занимала взаимозависимость вещи и концепции, вещи и контекста. Специфика коллекции и её потенциал выявляется только на выставках, так как представление о той или иной персональной коллекции – величина преходящая: оно меняется при работе над выставками, как и после их открытия. Возможности каждой открывается постепенно, в зависимости от её концепции и тематики или наоборот – коллекция формирует концепцию и структуру.

В обширном собрании центрального литературного музея России встречаются досадные лакуны, и в их числе самая обидная – невозможность использовать на выставках большую часть скромной количественно, но замечательной и ценной своей мемориальностью тютчевской коллекции: многое поступило из семейных собраний и от известных лиц: К.В. Пигарёва, П.П. Анненкова, сына критика, С.Н. Толстого, Г.И. Чулкова, Н.В. Короленко-Ляхович, дочери писателя. Огромное количество семейных фотографий содержат семейные альбомы Тютчевых (40 фот.) и Вяземских (7 фот.).

Изучением и обзором коллекции нам только предстоит заняться, в т.ч. источниками поступлений, а это особая тема, способная принести немало неожиданностей: обнаружить связи, о которых, мы не догадывались, и расширить представление о возможностях тютчевского собрания.

Фактически эта миниатюрная коллекция пунктирно отражает всю биографию Тютчева: творчество обозначено первой публикацией стихов в

пушкинском «Современнике», двумя прижизненными сборниками и Биографическим очерком, написанным Ив. Аксаковым, двумя автографами стихотворений и рукописью стихотворения, переписанного рукой Аксакова, автографом стихотворения Ив. Аксакова «Варварино», посвящённом Е.Ф. Тютчевой; серией гравюр Ф.Д. Константинова – иллюстраций к стихам Тютчева. Богато отражена семейная и личная жизнь поэта: портрет и фотография Эрнестины Тютчевой, фотографии детей, внуков, потомков и родственников, фотография Денисьевой. А источники поступлений делают их вдвойне мемориальными. Есть и изображения мест пребывания Тютчева в Москве, Муранове и за границей. Но за редким исключением это сугубо витринный материал, не говоря о том, что у нас нет оригинальных портретов поэта.

Возникал парадокс: без Тютчева нельзя обойтись, а самое ценное, не считая книг и рукописей, – многочисленные фотографии (самого поэта, его детей, родственников и потомков) из фамильных альбомов показать нельзя, да и потребности в этом не ощущалось из-за отсутствия интереса к семейной теме у большинства сотрудников или же она казалась неуместной. Даже серия прекрасных гравюр Константинова к стихотворениям Тютчева «не экспозиционна»: их много, но они крохотные и предназначены для иллюстрирования книжных изданий.

Присутствие писателя и эффект этого присутствия на литературной экспозиции, как известно, определяется не столько качеством, сколько количеством и размером настенных портретов. А в Литературном музее всего несколько фотографий, в большинстве своём визитных, и единственный крупный портрет – и тот в печатной графике – гелиогравюра И.Кнебеля (1904, 52,2x40.2, с оригинала С.Ф. Александровского, 1876), а также небольшая гравюра на стали Ф.Брокгауза (1860–1870-е) с фотографии С.Левицкого.

Поэтому – особенно при уникальном богатстве Мурановского музея, – мы и не пытались устраивать собственные выставки Тютчева, лишь

межмузейные. Да и совместных было всего две. Одна вместе с Мурановым – в 1978, другая – совсем недавно «Нам не дано предугадать...» (2023–2024) и то благодаря пушкинскому 200-летию. Она была, что называется, «на троих» – посвящена сразу трём писателям: Пушкину, Тютчеву и Ивану Аксакову.

Между тем Тютчев всегда присутствовал на постоянных экспозициях в Нарышкинских палатах Высоко-Петровского монастыря, нашей бывшей резиденции с 1986 по 2014 год, и в Аксаковском доме (филиале ГЛМ, 1989–2002), а также на всех юбилейных выставках своего друга Тургенева, в том числе на трёх самых масштабных, и трёх крупных юбилейных выставках Фета, почитавшего «обожаемого поэта» своим кумиром.

Однако от выставки к выставке повторялись одни и те же фотографии и книги, что диктовалось общими задачами экспозиции и никого не смущало, учитывая, что их восприятие менялось в зависимости от контекста.

На большинстве стационарных историко-литературных экспозициях в Нарышкинских палатах и в Доме Аксаковых Тютчев традиционно фигурировал в одной и той же компании – среди поэтов середины века: Фета, Полонского, А.К. Толстого, Ап. Майкова, Щербины, К.Павловой, Ростопчиной. Их присутствие ограничивалось портретом (чаще фотографией), одним-двумя сборниками и автографами или списками стихов.

У Тютчева было даже преимущество: рядом с его визитной фотографией С.Левицкого (1864–1865) неизменно помещалась тоже визитная выцветшая фотография Денисьевой. Они казались парными и неразлучными: снимок Тютчева, закутанного в плед, в цилиндре и с зонтиком, со скорбным и потеряннным выражением «изнемогающего лица» (слова А.Фета), ассоциировался со стихотворением «О этот Юг, о эта Ницца...», навеянной смертью возлюбленной. Неотделимы от этих фотографий и воспоминания Тургенева и Фета о встречах с поэтом в это печальное время.

Автограф стихотворения «Как нас ни угнетай разлука...» (1869), также посвящённого Денисьевой, вместе с фотографиями и обоими сборниками

(1854 и 1868) составляют целый небольшой сюжет. Иногда он дополнялся миниатюрой Эрнестины Тютчевой с портрета Дюрка.

На экспозиции Аксаковского дома «Альманах литературной жизни 1830–1880-х годов» перечисленные поэты воспринимались в другом контексте и в ином качестве – как посетители, завсегдатаи или хозяева салонов в условной литературной гостиной.

На тургеневских выставках Тютчев был показан тоже по-разному и ещё лаконичнее – популярной кабинетной фотографией на всех трёх – овальном парижском снимком С. Левицкого 1867-го: то как автор сборника 1854-го года, отредактированного и изданного Тургеневым, то как поэт из писательского круга журнала «Современник», то как любимый собеседник, в которого был «положительно влюблён», по шутливому свидетельству А.Ф. Тютчевой; то в качестве оппонента романа «Дым», вызвавшего неприятие и сожаление поэта.

На выставках Фета Тютчев выступал как поэт-философ и как предтеча наряду с Фетом поэзии русского символизма. На предпоследней выставке «За гранью прошлых дней» (2015) та же фотография Левицкого выделялась среди остальных, помещённая на стену в центральной группе и не теряющаяся, несмотря на размер, рядом с более крупными фотографиями Тургенева, Дружинина и Боткина – знаковых фигур в окружении Фета. Удивительный эффект: фотоснимок Тютчева был смонтирован в одной окантовке с окружающими его фотографиями большего размера, Дружинина и Боткина, но довольно бледными, за счёт чего более яркий снимок Тютчева сразу привлекал к себе внимание. И не только в этой «троице», но и во всей группе рядом с двумя крупными литографиями Фета и большой раскрашенной фотографией Тургенева, тоже не очень яркими. В результате небольшая фотография Тютчева сделалась фокусом всей компании.

Приходится только поражаться тому, как одна фотография словно меняла выражение лица поэта при путешествиях по выставкам. Воистину от перемены мест слагаемых способен измениться результат. Будто Тютчев

играл разные роли в разной среде. Это общее правило для всех портретов, но в случае с этой фотографией Левицкого особенно очевидное. Такое частое, до навязчивости, её появление на выставках неслучайно. Она оказалась универсальной и уместной везде: в ней отобразился цельный образ Тютчева – поэта, человека, мыслителя, дипломата.

На последней экспозиции в Нарышкинских палатах «Немое красноречие вещей: Мемории русских писателей» (2009–2014), состоявшей из фрагментов писательских коллекций и посвящённой литературным и семейным связям, главные раритеты тютчевской коллекции были размещена в небольшом зале, в котором царил Гоголь, собравший вокруг себя московских литераторов 1840-х и московские салоны.

Зал был разделён пополам двумя анфиладными входами: по одну сторону – непосредственно гоголевские материалы, по другую – славянофильское окружение: Тютчевы, Аксаковы, Самарины, Смирнова-Россет, Ростопчина. Тютчев разделил компанию с Аксаковыми, с которыми он породнился, став тестем Ивана Аксакова. Раритеты образовавшейся семьи заняли одну, хотя и вместительную центральную витрину. Однако большой живописный портрет Эрнестины Тютчевой (Ф.Дюрк, 1840, х.м.) с лихвой компенсировал скудость тютчевских материалов: благодаря ему поэт опосредованно, через свою жену, оказался на первом плане наряду с Гоголем.

Решающую роль в оценке тютчевской коллекции сыграла недавняя выставка «Нам не дано предугадать» (2023–2024), с которой Тютчеву, а с ним и Ив. Аксакову, так же как Литературному музею, повезло: ведущие российские музеи, включая Мураново и Овстуг, не поскупились предоставить лучшие свои материалы, в т.ч. семейные реликвии.

Широчайший многообразный контекст был построен на скрещении судеб всех трёх юбиляров и перекличках в поэзии и публицистике: биографических, литературных, исторических, религиозных. Здесь не было монографических разделов: сюжет развивался тематически и тютчевские

материалы, как и остальные, распределялись по разным комплексам. В результате, благодаря выбранному контексту, из фондов Литературного музея было взято гораздо больше вещей, чем предполагалось вначале: портреты из общего окружения породнившихся семей Тютчевых и Аксаковых, важные для них московские виды и места, изображения исторических событий и лиц, о которых они отзывались и на которые откликались и пр. В частности, были выставлены фотографии из семейных альбомов Тютчевых и Вяземских, которые мы не имели случая экспонировать. Особую роль сыграло родство Тютчевых с Аксаковыми, позволившее рассматривать обе коллекции как единую, значительно увеличившую потенциал каждой в отдельности.

И вновь, как и на экспозиции «Немое красноречие...», портрет Эрнестины – самый крупный и эффектный экспонат – превратил Тютчева в центральную фигуру всего зала, озаглавливая один из разделов выставки: «Чины и музы», где сосредоточились семейные реликвии и мемории.

Но главное и удивительное – всё-таки не этот портрет, а совокупность экспонатов, составляющих богатейший контекст, воплощающих всю эпоху во всех её важнейших событиях и лицах, в которых и среди которых незримо присутствует Тютчев, откликаясь на все животрепещущие проблемы в стихах, письмах и статьях.

Поразительное сплетение судеб трёх поэтов определило концепцию и структуру выставки и объединяющую их тематику: литературный круг, московский акцент, «мысль семейную», совмещение поэзии и службы, «славянский вопрос», исторические события и оценку правителей и исторических деятелей. Весь этот контекст воссоздан во многом на материалах Литературного музея и при необходимости может быть значительно расширен. Писательские портреты известных художников в оригинальной технике, портреты Александра I и Наполеона, Николая I и Александра II, военные сцены, восстание декабристов, эпизод революции

1848 года. И вновь парадокс: Тютчев оказывается вездесущим, но его не видно: он, словно тень, сопровождает все эти события.

Как же всё-таки превратить невидимое присутствие Тютчева в более осязаемое? На выставке это достигнуто с помощью цитат и комментариев к экспонатам и благодаря изобретательности художницы выставки Марии Утробинной. Центральная инсталляция зала, состоявшая из свисающих с потолка прозрачных пластин с начертанными на них стихотворными строками, создавала зримый образ поэзии. К счастью, слово, прежде упорно изгоняемое из экспозиции лучшими дизайнерами, в последние десятилетия вернуло себе права, превратившись в своеобразный, равноценный изображению, экспонат.

Только на слово и фантазию художника-дизайнера и можно рассчитывать в нашей печальной ситуации, пока талантливый современный портретист не создаст чего-то достойного имени Тютчева.

В ближайшие годы, спустя четверть века, мы надеемся вернуть Аксаковых в их дом на Сивцевом Вражке, где больше десятилетия (1989–2002) находилась экспозиция «Альманах литературной жизни 1830–1880-х годов» и где потом, после ремонта и реставрации, расположились изобразительные фонды. Как только они переедут в другое помещение – на территории усадьбы Морозовых в Шелапутинском переулке, на Сивцевом Вражке будет создана новая постоянная экспозиция под названием «Семейные хроники», показывающая историю литературного быта через историю отдельных семей. Материалы Литературного музея, отражающие многочисленные писательские связи семьи, позволят создать не только мемориальный музей Аксаковых, но и под определённым углом зрения выстроить вокруг них всю литературу от Державина до Л.Толстого.

Работа над альбомом «Аксаковы» (составительница – В.Давлетбаева, М., 2021), собравшим воедино материалы крупнейших музеев и архивов, помогла обнаружить множество материалов, положенных в основу предложенного сотрудниками Литературного музея варианта концепции

Дома Аксаковых. Но выставка, выявившая много нового и дополнившая наше представление о предполагаемом литературном и историческом контексте будущего музея, заставит его основательно расширить.

В одном из залов парадной анфилады предполагается разместить фрагменты коллекций московских писательских семей: Аксаковых и Тютчевых в первую очередь, Самариных, Тургенева, Толстого, Фета, Сухово-Кобылина, используя опыт последней стационарной экспозиции «Немое красноречие вещей» и выставки «Нам не дано предугадать» и акцентируя объединяющую их тематику. Это не будет просто собранием фрагментов – неразрывно связанные между собой, они образуют общую картину литературной, театральной, общественной и политической жизни конца XVIII–XIX в.

В стенах Аксаковского дома Тютчев наконец обретёт пристанище – постоянное и законное место жительства, не только как лицо из окружения Аксаковых, но и как член единой семьи. Напомню, что у Тютчева в Москве есть и собственный особняк (Усадьба Гагариных — Тютчевых, Армянский пер., 11), но принадлежащий другим хозяевам (Российскому детскому фонду) и заполненный многочисленными копиями с тютчевских материалов – как бы тень присутствия поэта и напоминание о том, кто в доме временно его покинувший хозяин.

На упомянутых выставках обозначены разные грани личности Тютчева: как одна из центральных фигур в истории русской поэзии, как завсегда́тай светских салонов, как певец любви, поэт-философ, как старший друг и любимый поэт Тургенева, кумир Фета, предмет восхищения Толстого, без которого, по его выражению, «нельзя жить», как дипломат и публицист – славянофил и консерватор, как глава семьи, а также как тесть и собеседник Ивана Аксакова.

На будущей экспозиции все эти ипостаси Тютчева соединятся и найдут своё отражение, ибо весь контекст, в который они вписывались, равно относится ко всем обитателям и гостям дома. Да и сама тютчевская

коллекция повысится в цене, уравнивая в правах с фрагментами других писательских собраний.